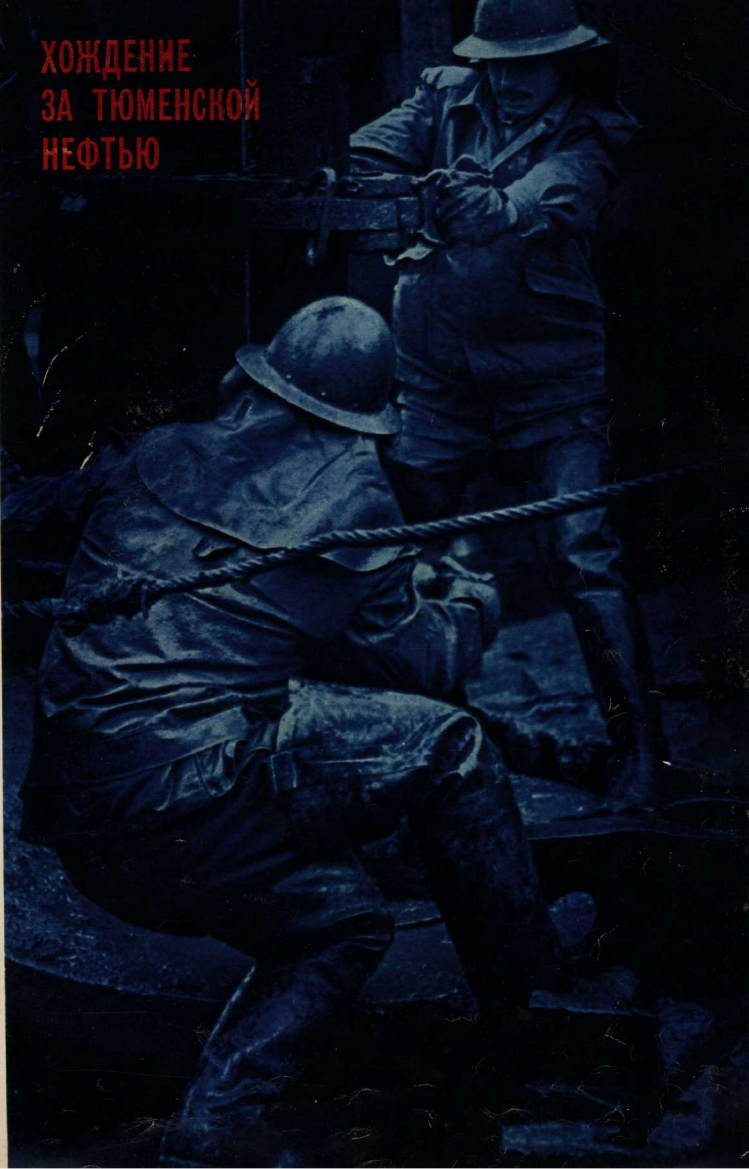

№ 18
СЕНТЯБРЬ
1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕФТЬ»

ХОЖДЕНИЕ
ЗА ТЮМЕНСКОЙ
НЕФТЬЮ

СМЕНА

К 100-летию
со дня
рождения

Ленин
и
современность

УСЛЫШАВШЕ ДЕННИКОСТЬ

Академик
А. Д. АЛЕКСАНДРОВ

Известный
советский ученый
делится своими мыслями
о значении
речи В. И. Ленина
на III съезде комсомола

Ленин произнес свою речь на III съезде комсомола 2 октября 1920 года — почти пятьдесят лет назад, а между тем то, что было в ней сказано, сохраняет величайшее значение и сохранит, можно сказать, навсегда. Ленин, обращаясь к молодежи, определил ее задачу — учиться коммунизму и раскрыть основные элементы этой общей задачи. Теперь, когда постепенный переход к коммунизму стал в порядок дня, эта задача становится еще более актуальной. Она останется актуальной и

тогда, когда коммунизм будет построен, потому что тогда вступающим в жизнь молодым тоже нужно будет учиться жить по-коммунистически, ибо коммунизм — это не застывшее состояние, но процесс постоянного развития.

Более того, учиться коммунизму должна не только молодежь, но каждый человек независимо от возраста, положения и образования, потому что до конца выучиться коммунизму невозможно, как невозможно до конца выучить какую-либо науку или овладеть до конца какими-либо искусствами, потому что мы знаем, ни совершенству нет границ, и было бы верхом самодовольства для самого ученого-коммуниста заявить, что он уже выучился коммунизму.

Выучиться коммунизму — значит не только выучить теорию коммунизма — это даже не самое главное, — а стать в полном смысле человеком коммунистического общества, воплотить в себе этот идеал. Потому задача учиться коммунизму не имеет границ и должна решаться сегодня каждым членом нашего общества и должна быть решена в будущем.

Но понятно, что при всем том задача эта в особенности касается молодежи. И как раз в меру того, насколько молодежь выучится коммунизму не на словах, а на деле, то есть насколько она реализует в своей деятельности усвоенный ею коммунизм, настолько, и не более, наше общество продвигается к коммунизму, когда в силу простой смены поколений нынешняя молодежь начнет играть определяющую роль в обществе.

В «Интернационале» сказано: «Мы наш, мы новый мир построим», — а построим его так, как сумеем, сумеем же — как научимся.

Нередко бывает, что задачу, поставленную Лениным, определяют словами: «учиться, учиться и учиться». Все знают, а иногда оформляют

Наша обложка: сибирские бу-
ровики.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Фоторепортаж «Дороги из Самотора»
смотрите на страницах 8—13.

Учиться коммунизму.

●
● **О чувстве долга.**

● **Сила знаний.**

● **«Мы» — это значит «и я тоже».**

в виде лозунга слова, сказанные Лениным: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Это важное условие. Для того, чтобы стать коммунистом, нужно быть образованным, культурным человеком. Но сводить к этому всю задачу нельзя. С тем, что нужно учиться и обогащать память, согласится, надо думать, любой профессор в американском колледже. Ленин же формулирует задачу не вообще учиться, а учиться коммунизму. Подмена же этой ленинской постановки задачи призывом к учению вообще представляет собой ее извращение, грозящее утратой лодки коммунистической позиции. Тут заключается очень важный и, надо сказать, не простой момент — не только сочетание общей культуры с коммунистической позицией, но их органическое единство: коммунистические убеждения как вывод из суммы знания и культуры, основанная в свете коммунистических убеждений. Пока мы только обращаем внимание на этот момент, а обобщим его, следуя Ленину, дальше.

Ленин в своем речении на съезде начинает раскрывать содержание общей поставленной им задачи вовсе не с обогащения памяти, не с теоретического учения, а с практической работы, с практического учения. «Без работы, без борьбы», — говорит он, — книжное знание коммунизма... ровню ничего не стоит... так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвлеченную черту старого буржуазного общества.

Мы ставим вопрос об убеждениях, об идее убежденности, о работе коммунистических убеждений. Понятно, что учиться коммунизму — значит, в частности, выработать у

себя коммунистические убеждения. Именно этот аспект мы хотим рассмотреть в данной статье. Но тем не менее его никак нельзя отделить от аспекта практического. Издревле понято было людьми, что убеждения, не протравленные в делах, мертвы и оказываются, по сути, лицемерными. Наша задача не просто в том, чтобы верить в коммунизм, быть убежденным в правоте марксизма-ленинизма, а в том, чтобы коммунизм строить и постройте. Это программа практической деятельности. В иномочном сноте она и определяет постановку вопроса об убеждениях — какими они должны быть и как должны выработываться. Ясно во всяком случае, что они не могут быть оторваны от практической работы. Если человек хочет овладеть, скажем, физикой, он должен не только изучать ее, но и работать в лаборатории, решать задачи — словом, овладеть физикой в действии. Совершенно так же нельзя овладеть коммунизмом, если не осуществлять его принципы в практической деятельности, а быту — словом, в жизни. Убеждения же, не реализуемые в жизни, оказываются лицемерными и ложью. Проповедовать коммунистические добродетели, а самому не следовать им — это есть, по словам Ленина, возрождение самой отвратительной черты буржуазного общества, это означает, следовательно, предательство коммунизма. Поэтому претворение убеждения в деле и выработка их в практической работе — это первое основное условие того, чтобы можно было говорить о коммунистических убеждениях, идейности.

Убеждения человека могут иметь для него разное основание: привычку и традиции, веру, авторитет или, наконец, знания. В первом случае убеждения складываются просто в результате того, что человек усваивает то, что говорит и делают другие,

4 **РАССКАЗ МИХАИЛА БА-
РЫШЕВА «В СТОРОНУ ОТ
ШОССЕ».**

16 **КОСМИЧЕСКАЯ ХРОНИ-
КА. ШАГИ К ЛУНЕ.**

20 **ОЧЕРК О ВЫДАЮЩЕМСЯ
СОВЕТСКОМ КОННИКЕ,
МНОГОКРАТНОМ ЧЕМ-
ПИОНЕ СТРАНЫ ЛЬВЕ
БАКЛЫШКИНЕ.**

24 **ОКОНЧАНИЕ ФАНТАСТИ-
ЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА
«ИТО ЕСТЬ КТО!»**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ**

**«ОБЫЧНЫЕ КАПИШНИКИ» — РЕПОРТАЖ
С ПЕРЕДНОГО КРАЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ**

**АКТИВНОСТЬ КОМСОМОЛЬЦА.
СТАТЬЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВА
ОБ ОПЫТЕ СВЕРДЛОВСКИХ СОЦИОЛОГОВ**

**«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ».
СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лизанов [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. Торлибашин

Технический редактор Н. Бухачкина

много познано, убеждения, сводящиеся лишь к знанию, еще не становятся сами собою руководством к действию. Они становятся им тогда, когда перестают в моральные убеждения. Мораль в отличие от знания, которое только констатирует то, что есть или что возможно, указывает, как надлежит поступать. Поэтому в конечном счете важнейшим, действительным оказывается нравственное убеждение. Это и выразил Ленин, когда сказал: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современными людьми было воспитанием в них коммунистической морали».

Таким образом, воспитание коммунистической морали ставится в центре всей задачи — учиться коммунизму. Оно подразумевает как необходимые условия все то, о чем уже было сказано. Оно, очевидно, включает практическую деятельность, потому что мораль реализуется не иначе как в делах, а не в густых разговорах и добрых намерениях. Оно требует знания, понимания теории коммунизма, ибо познано, что нельзя сказать оговорок и компромиссов о нравственности, если остается недостаточно ясным, что такое коммунизм и каковы основные пути, условия и средства движения к коммунизму.

В основе коммунистической нравственности, лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма, сказал Ленин. Моральное воспитание включает также развитие самостоятельного мышления как необходимого условия, находит в каждом конкретном случае нравственные решения, соответствующие как общим целям, так и данным конкретным условиям. Способность разбираться в происходящем и находить нужные решения составляет основу моральной ответственности. Тот, кто только воспринимает чужие мнения и указания, оказывается как бы машиной, выполняющей заданную программу и содержащей в своей памяти то, что в нее заложено программистами. Не в том, конечно, дело, чтобы по каждому поводу иметь свои особые мнения, а в том, чтобы продумывать и не заучивать известные положения и получаемую информацию, критически относиться к фактам, как говорил Ленин.

Моральная ответственность человека имеет объективные основания и содержание. Вся жизнь общества, общественные отношения, история с развитием производственных сил культуры, с борьбой классов и т. д. — все это только разные формы проявления деятельности людей. История, — говорил Маркс, — не делает ничего... Не история, а именно человек, действующий, живой человек — вот кто делает все...»

История, говорил Ленин, все и состоит из действий личностей... Существенные обстоятельства создают именно людьми и тем, что называются «людьми вещей», и состоят в действиях и «влияниях» людей и не в чем больше... не только во внешних личностей, а всех членов общества. Как ни различны роли и влияния разных людей, но каждый человек, как бы маловажен ни он был, так или иначе, в большей или меньшей степени участвует в происходящем и через ряд взаимосвязей оказывается способным ко всему, что происходит. Если человек плохо работает и жалует на условия, то от своей плохой работы участвует в создании тех самых условий, которые затрудняют работу. Если сотрудник института не доволен руководством, но помаленьку, от своим молчанием (которое — знак согласия) поддерживает тот самый порядок, который его возмущает. Успех в работе дан-

ного человека — это элемент в успехах всей страны, а ее успехи — важнейший фактор всемирной истории. Так мы можем проследить и другие связи и убедиться, как наша деятельность, наша позиция, наше влияние оказываются моментом в разнообразных явлениях жизни самых разных масштабов.

Если сопереживаю — значит, отвечаю. Вот это и есть первое условие: самый простой и одновременно самый главный: хочет человек или не хочет, а он занимает некоторое место в общественном прогрессе: может быть, он тормозит прогресс; но участие в нем не участвовать — ни положительное, ни отрицательное — невозможно. Более того, место человека всегда такое, что оно так или иначе связано со всем происходящим. Поэтому человек так или иначе, в большей или меньшей степени за все в ответе.

Когда, говоря фигурально, потопит, судит наше время, призовет нас к суду, то они скажут, что вы были сорочины к тому, что происходило, и потому отвечаете. И воздвигает вам за добро и за зло. Понятно, что мы часто не в силах оказать сколько-нибудь заметное влияние на «ход вещей», но все же кое-что зависит от каждого из нас, и люди чаще приуменьшают свои возможности и соответственно свою ответственность и со-ответственно свою ответственность, чем преувеличивают ее. Говорят: «Я человек маленький, что я могу сделать; таковы обстоятельства и прочие в таком духе. Но прежде чем говорить, что я ничего не могу сделать, надо хотя бы пристально посмотреть на то, что сам делаешь, на самозавоевание, и ссылаясь на обстоятельства, полезно вспомнить слова Маркса, что объективная действительность создается именно людьми. Однако условия, например, в растительном сообществе — уже в силу того созданы членами этого сообщества. Человек же не только воссоздает общественные условия, как они уже складывались и прежде, но изменяет их. История не состоит в повторении одного и того же, напротив, жизнь людей претерпевает чрезвычайные изменения. Новые предметы обихода, новые машины, новые средства транспорта, новые организации, новые открытия науки, новые произведения искусства и т. д. — все изменяется в наше время, эти изменения идут очень быстро. Это новое создают люди. Оно результат их творчества, ибо творчеством и называется создание чего-либо нового, такого, что просто не воспроизводит уже однажды сделанное.

Человек наделен этой способностью творчества, способностью изменить свою собственную жизнь, ве условия, ее обстоятельства. Поэтому человек отвечает за то, что происходит в обществе: ведь он может изменить происхождение.

Сознание этого творчества исторически ярко выражено в общественно-исторических словах:

Ничто не даст нам изобавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Что нам новый мир построим...
«Мы» — это значит их и твою. Отсюда следует сознание личной ответственности каждого за строительство нового мира. Это глубокое сознание своей личной ответственности за наше общее дело коммунизма и составляет основу коммунистической морали и вместе с нею — коммунистических убеждений. Эти убеждения являются основой смелости, уверенности, как научным пониманием коммунизма, пронизанным этим сознанием и чувством ответственности, которое побуждает к деятельности, к постоянному развитию.

Анатолий БОГДАНОВИЧ

Камышинские арбузы

Шло на Персию войско.

А над степью как воздух явилось.
Вдруг предстал на пути,
Городишм ты такой — у Волги,
Городишм такой — у Камшин.

Петр Великий, на карту глядя,
Пронзает: «Отдохнуть бы надобно...»
Пыль взлетала золоту горячею
И душила коней и всадников.
Через час городишм маленький
Превратился в базар:

на улицах
Торговали вином, оладьями,
Задымляли костры и куницы.
Городишм толпились купцами,
Возле лавок их песни

слушались...

По такому большому случаю
Закатам воевода пириество.
Царь бокалом со всеми чокался,
Виноводов хвалит камышинских.
А князь, что сидел около,
Все трясился —

не болтун бы лишнего.
Царь мужичье просьбы выслушал...
А когда заредел музыка,
Удивили его камышинцы —
Завалили столы арбузами,
Буто знали: он их не пробалов.

Выбирали он их не пробалов.

Выбирали из сотен лучшие.

И спросил царь,

арбуз потрогаю:

«Что за ядра! Увели кушанье!..»

Воевода допытлив шмыгал:

«Не заморское ли это — русское...»

Троенратный салот приказано

Было дать над столом

с арбузами

Петр Великий кусал те ломтики,
Головою кивал

нестриженкой...

До сих пор еще слава громкая

Об арбузах идет камышинских.

Дорога

Дорога —
Лента
Магнитофонная.
И если б
Ее проругали,
То скопало б
Люди вспомнили
То, что в пути забыли!

Из березы, из клена,
из гибкой осыны
Перекрутили жостки в дали России.
Их перила белены стужей берестою.
Их дощатые спинки почернели от
жвог.

Их корявые ноги в ручьях
зеленот...
Эти древние мостики, что их
заменил?
По мосткам мы уходим в далекие
сники.

Познавая Россию,
Открывая Россию.

Рисунки Игоря СМЕРНОВА

Михаил БАРЫШЕВ

РАССКАЗ

Обкомовский «график» вез нас на встречу в колхоз «Красный партизан». Кроме меня, представителя грубой прозы, на местных сиденьях сидели два поэта, художник-анималист с прокладной лопкой акварели и театральный критик, руководитель нашей разномастной бригады.

«График» катил на Новогрудок. Мимо пролетали вязы, обступившие купаны крон узкое, в булыжной рибке шоссе, шиты, призывающие беречь лес от пожара, бетонные километровые столбы.

Справа за деревьями высветлилось украинское лесное озеро Свистаз, где, по преданиям, было полным-полно русалок. Теперь русалок назвали и на берегу озера построили профсоюзный дом отдыха с аналогичным, как пишут в газетах, названием. Возле лодочной пристани красовался павильон из акрилового пластика. В павильоне продавали бочковые пиво, бутерброды с засохшим сыром и вялые от жары конфеты.

В командировку я ехал охотно: давно хотелось побывать в тех местах, где я воевал.

Военное прошлое казалось мне сейчас чутьочку нерезальным, облеченным в воспоминаниях в полугендерную дымку. Так уж, видно, устроен человек, что происходящее с ним в данную минуту всегда кажется ему самым значительным и важным.

Но это ощущение сразу исчезает, когда жизнь повернет тебя лицом к лицу с давно прошедшим, прожитым прошлым.

Проклятая память... Сколько я ни пытался, мне так и не удавалось вспомнить название небольшой лесной деревушки, где в ту далекую военную пору мне довелось задержаться недели на три. Деревушка была где-то в этих самых местах, не доезжая Новогрудка, в сторону от булыжного шоссе. С одного края к ней, помню, подступал лес, с другого — река за окрестной теля в мняках несчастливая река. На ней была плотина с гильями сваями и остов сожженной мельницы.

Стоило мне только взглянуть, и я сразу бы признал памятную деревушку. Конечно, дома на пеллищах давно остроены, заросли окопы, электричество проведено, и новый клуб есть, и скотный двор из сборного железобетона. Людей там живет теперь много больше, чем в тот горевый военный год.

Но лес и река остались прежними. Стоит мне только их увидеть, и в памяти все сразу встанет на свои места...

В колхоз мы добрались уже в сумерки, опоздав часа на три. Председатель, лысый и грузный, томившийся по случаю приезда гостей в некло-

В СТОРОНУ ОТ ШОССЕ

новой рубашке с пестрым галстуком, энергично потряс нам руки и соврал, что рад приеду. По нашему приметному виду он сообразил, что приветственных речей можно не говорить, и принялся расторопно утрясать нам постой.

Когда очередь дошла до моей скромной персоны, председатель сказал заведующему клубом, что данного товарища надо отвести к Белевичу. — К Александру? — переспросил заведующий, разбитой наред, явно предвидяюще похлопывая от спешки избранной специальности.

— К Александру, — подтвердил председатель и с наслаждением встал тугой галстук. — Я с ней еще позавчера договорился.

— Удобно ли будет, Федор Николаевич? — осторожно возразил заведующий клубом. — Товарищ из центра, а мы его и Белевичу. — Курьерский человек, Белевич, а тоже за бабьими сплетками тянется. Александра у нас в колхозе первая доярка. Характер у ней мягкий, другая бы за такую брэнто тебе глаза пощипывала.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Да вот, товарищ заведующий, серьезность провалится... Болтовня тут нас на деревню одна стоит, колхоз ее не могу своротить. Разве упрямых, какие местные деятели культуры тоже в бабью сплинуху грапят... Одним словом, брэнто, что Александра Белевич вернула материю с френче нагуляна... Пойдете к ней на почел?

— Пойду, — сказал я.

Так я оказался в небольшом домике с веселыми голубыми ставнями и самодельным половником на крыльце. Домик был обставлен с явным достатком. На кухне змало поблескивал холодильник, в зале стоял отличный рижский привлек и тонкокожий журнальный столик, приспособленный под паркет. В гостиной, в углу, висела картина и неизменный столетником. Столетник рос поочему-то одностobo. С одной стороны массивные листья распорывались проторно и густо, с другой — лепились удодосными зародышками.

— Разрешите курочки? — спросил я.

— Это что, — пеленки откликнулся хозяйка. — Пеленкины вот только у меня нет, не водятся курочки... Да в ям сейчас блючеко принесу.

Александра Белевич, моей командировочной хозяйке, было лет под тридцать. Тонкая в кости, легкая телом, она несуетливо собирала на стол, урядно разглядывая мне по-домашнему теплыми глазами. Лицо у нее было худое, коротким носом, обсыпанным маловыми зернышками веснушек. Волосы со странным рывчатым оттенком были свиты в слабую косу. В разрезе глаз угадывалась та пикантная раскраска, которую тщится изобразить на собственных физиономических шестнадцатилетние модницах девчонки.

Потом мы сидели за столом. Ели яичницу с домашним салом, хрустели малосольными огурчиками, макались горячими оладышками. Хозяйка выпила со мной ромку коньяку, зарумянилась и стала словоохотливее.

— Вот так и живу, — сказала она, как бы отвергнув возможные распросы о своем образовании. За обедом я заметил, что Александра не водитесь мужика курочки Огурчик Курчике, не стесняйтесь. Это меня мама выучила солить.

Она подошла к передней стене, увешанной почетными грамотами, свидетельствами о трудовых успехах доярки А. Л. Белевич. — Вот это в прошлом, внесла в коллективную спортерте. Изденье разьедного фотоаппаратушки. Из тех, что за немалую цену производят похожие один на другой «портреты» с остеленными глазами, расплывшимися волосами к волоску прическами и заретушированными по технологии поточного производства живыми морщинками человеческого лица. — С весны пятый год, пошел, как мама умерла, — сказала Александра и сминула с рамки невидимую пылинку. — Рак у нее был в лимфоиде. Последний год, кроме молока, ничего душа не принимала.

Я посмотрел на фотография покойной женщины с узким лицом и широко расставленными глазами.

На игноривание своего стертые черты «портрета» на меня повлияло чем-то трояственно знакомым. Но ощущение было мимолетным, не сумевшим всколыхнуть пласты памяти.

— Мама тоже дояркой работала, — сказала Александра, и у нее мягко прунуло носок. — Она и меня к этому делу приохотила... Мама все умела делать. И плетя шнур и крышу перекрывала лучше инго мужика. Это в позарешный год шифер настелила, а до этого дом у нас под соломою был... У мамы с выставки две медали. Другую бы за такую работу не вывернули ордан выдать...

Лысым вдруг осыпал, словно испугавшись, что наговорила лишнее. Чтoby заглядит неловкое молчание, принялся уснено угощать меня. Подыгала тарелки, пошевел заварил чай, достала из шкафа безраземую к случаю корышку зачерствевших сосисок конфет.

Пун у нее были тяжелые и ровные, без единой морщинки, с припухлыми суставами растопснутыми пальцами.

Конечно, если с четырнадцати лет дить на ферме коров, не позволяешь изжествовать ручкам...

Встреча творческой интеллигенции с колхозниками прошла, как шнуд в отчете, на должном уровне. В клубе собралось почти все село. На плите был сооружен длинный стол, покрытый маляновым сунном. Позади было растнуто во всю ширь переходящее Красное знамя, полученное по итогам весеннего сева.

Лысым председателю, снова изнывавший в нейловую рубашку с галстуком, брэнтуем законном и утихомирый гомон в зале. Забавно отключался и объявлял состав творческой бригады, прибывшей на встречу с колхозниками «Красный партизан».

Зал величало подполпол творческим личностям, пригласившимся недалеко от лежанки на сцену.

— Это предложение, товарищи, — продолжил председатель, — пригласить в президиум также передовиков нашего колхозного производства.

Возражений не последовало. Зал явно был доволен тем, что за маляновым столом рядом с заезными гостями сидят их одесовалецы.

— А теперь короткий список передовиков. В нем была и моя хозяйка, Александра Белевич, выполняющая, как я услышал, план по на-

дою молока на одну фуражную корову на сто двадцать три процента, удаяривая коммунистического труда.

— Отыть председатель френичку на трибуну туней, — услышал я шепотком морщинистой старухи, низко повзанной голубой нейлоновой косинкой. — У меня сын в партизанов пострадал, а теперь я должна вернуться, как германово село на трибуну выстуежаться. Пошли, поехали, поехали! — ботаег девка безотказно и честно... Разве ж она виновата, что такое совершила?..

— Виновата не виновата, а не имеют прав френичку за красной стол смахить?

— Стрещен по протоколу последовал банкет в колхозной чайной. Меня хватило только на половину шедрого застоля. Улучив момент, я выскользнула из чайной, нырнула за угол и с облегчением усеяла на трюхляком бревне, удрбно забитом в одинадцать вышиннее.

— Утолько табак, Лызавета, — попытался урезонить кто-то старуху: — ботаег девка безотказно и честно... Разве ж она виновата, что такое совершила?..

— Ух ты! — облегло отдался он. — Передых требуется. Года у меня подошли, силы не те. Раньше сток по трое зрел за празднован, а теперь только четыре часика сослужу... Как утриваюсь!

— Спасибо, все отлично.

— Забылива она, Александра, и людям, — откликнулся председатель. Я рассказал о шепотке, пушеном старухой в нейлоновой платочке.

— Лызавета Марьоновна, усмехнулся председатель, сплетничая с курочкой. Лызавета недавно рассказала на собрании, как Лизаветин сыночко бонок колхозного меду пропил.

Председатель вдруг посерьезнел и застенул воротник. Видно, решил, что ни к чему выкладывать незнакому человеку колхозные болячки. — Это было курно, говору, ротом не выговаривается. Все курно мне бабы этой брэнной вымучу. От одного у нас не просто отставил. Лытован здесь фашисты крепко, в каждом доме зарубку оставил. Вот и сидит старое. Иногда, глядишь, и через край перелестнет, и пошло гулять... Мне бабам ведь так: кокет смахит курца, а та все уйдет... Пошли праздновать! Мне же хозло надо, а не шарашался в шарашалы, шарашалы, шарашалы и пошел по тикой уличке и дому, где был мой командировочный прнот, где заболитво опекала меня Александра Белевич, передавая доярка, удаяривая коммунистического труда, френичка...

Хозяйка была дома. Она загоняла но двор, в проторивенные ворота белоснежное теплое шерстяное шовальное оксидированное задр, растопырив худые копытные ноги и нацеливаясь будить хозяйку бездогой головы.

— Иди, иди, — певуче говорила Александра, размахивая заостренной. — Это зародышки, дурночки ты, глупенький!

— Уж я стала совсем уж гадом, — дурночки ты, глупенький! — многое забылось с войны, но эта нелепая присказка была впечатана в голову.

«Дурночки ты, глупенький», — так, как этому телу, сказали мне четверть века назад в той давней жизни, совсем непохожей на нынешнюю.

Тогда многое было не так. Командировкам нам не оформляли, и председатели колхозов не определяли на постой. Без ордеров и прописок мы по летнему времени завалились в кустики, зимой разыскивали чудом уцелевшую избу, а чаще рыли узкую вольню нору, которую широкодушо не называют в литературе зрыливыми. По размеру, по количеству и качеству — с размерами по бокам у меня тоже не было. В те времена я носил признанную модель сезона: хлопчатобумажную гимнастерку и такие же шитые-галфе, стянутые на супухорных, по молодости, икрах обмотки. Сверх того у меня имелась жесткая, с подложенной подолгой шинелью шапка по сезону и ботинки военной кожи, которые я умаял не за форму носков, а за их потрясающую крепость. Они честно оправдали мою осторожную веру, протопав от Вазмы до бывшего Кеитсберга.

Самое смешное, что у меня в те годы был личный телефон. Я круглогодично аскал его на собственном горбу вместе с тяжеленными катушечными мбашками.

Личный телефон я получил без ходатайств и заявлений в инстанции. Звонить мне в те годы было некому, а телефон приходилось везде таскать с собой и спать с ним в обнимку, до ордур кинуть в трубку и так же оторвать от себя. Случалось, что телефон проводил по раскисшей сырой грязи, по воронкам, по болотинам, по гурмам, по минным полям...

Кроме того, у тогдашних телефонов была отвратительная привычка замолчать в самое неподходящее время. Чаще всего это случалось, когда в воздухе и на земле уада, самствел и раскатывалась в полное удовольствие известная коставка собака. В такие минуты даже лехота хоронива забурные голоушки в траншеях и окопах, старалась приткнуться за пенком, за коргой, за гурадой бычьей киричка.

В это время ротный командир вливался в меня выкатившимися глазами и орал: «Сара!»

Если же по слабости души я на мгновение замешкался, он матерком вышибал из меня крупинки обыкновенного человеческого страха, и я, голенький, вылетал в самое пекло, чтобы оживить писклявый зуимер в деревенской коробе...

Уже бывшая растаскивающей в гурду холодох, а шагнул к плетню и сказал хозыяк:

— Какая у вас смешная присказка... Глупенький, да еще дурночки!

— Маминка, — откликнулся Александр, который удалось-таки направить разгневашего телка в ворота. — Она и меня так называла. Смешно не в кательном обидно. Правда, да?

— Правда, — согласился я и сказал, что немного прядусь, погуляю. Часа три я бродил по округе, пытаясь найти подтверждение внезапно вспыхнувшей догадке. Я нашел лес. Ровные грядки крепельных, похожих друг на друга дубовых деревьев, по границе угодья, стелющейся в долину с хмурым, сальным туманом. Старый в формальной френичке, по растоптаным сплгож сказал мне возле сторожки дорожнего мастера, что дубки посажены им. За двадцать пять лет они вымаляли ему самому на удаление.

Речушка в яныках а таке нацел. Ни свай, ни остова разбитой мельницы там не оказалось. Речушка перегораздала плотина, на которой стояло серое здание электростанции и глухо шумела вода, протискиваясь сквозь невнядную в бетонном теле турбину. Перед плотинной речушка разлилась мером на дести, и по берегу расхаживал с берданкой, охраняя какиж-то породистых и модных карлов.

Тут я сообразил, что за четверть века на земле могут измениться самые надежные приметы.

Нет, не отыскать мне ту давнюю военную дубровицу, в которой, помню, уцелело четыре дома.

Ранней осенью сорок четвертого года наш взвод связки оказался здесь, километра в десяти от старинного шоссе на Новгородку. Стрелковые батальоны дальше идти не могли. Ни винтовку отсталого по паре обоев, ни ящик по диску. Волевыми остались на рыхлых от затхлых дождей проселках. Их подвезли только через три дня. Командир полка приказал старшым снуться с повозок имущество и загрузить их патронными цинками, ящиками и снарядами для полковых скорострелок.

За лесной каровой вышкой остались на рыхлых от затхлых дождей и прочее имущество взвода связи также оказались сваленными в этой затерянной лесной дубровице, и я с двумя бойцами остался ее охранять. Через день на нас случайно насочили какой-то бродячий отряд немцев, упремо пробравшихся на соединение со своей негодной братией. Мы едва отбили наскок. После боя я похоронил на оклице напарников и оказался в дубровице один.

Настроение у меня было не из веселых. Днем удавалось урывками подремать, а к вечеру, когда из ближнего леса подползали густые стужи, меня охватывало чувство заброшенности и бесприятности. Казалось, повисла огромная вязкая темнота, наваливавшаяся от бескрайнего неба до черной, непроглядной земли.

В небе нудили невидимые самолеты, на горизонте высветливались пожары, и орали дымчатые, в ошметках линюющей шерсти, одиночные кошки. На войне кошки оказались самыми живучими. Скот немцы отбирали, собак — оштеревали павших на чужих, пристреливали, а кошки оставались живучими. В погребках, подпочьях или невдомым путями добывали пищу, без помехи плодились. Какие-то дремлющие тузавки заставляло кошки держаться родных пепелищ, упремо обитать в знакомых чердаках, подвалах и подпольях. Ночью они вылезали, перебирались по кровельным, кошки устранили иной раз такие дурацкострашные концерты, что я выдерживал и наугад крошил темноту автоматными очередями.

Пропливы не ко времени дожди утомлялись, и легла та неяркая равновесие, теплое и мягкое время, которое бывает в ту пору, когда уже отступил август. Вспомнил контраст не берет еще холодный росы, не имеет еще сил выжухнуть листья и сползти в голубом окне настоящие облака.

Дней пять я прожил в дуброве один. Бродил по бывшей деревенской улице мимо шербетных лещен и исцелявшихся пулями труб. На улице густо прорастали кусты крапивы, одичавшие вымазали лопухи. Помятые огороды были искорежены танковыми гусеницами, разворочены недавними разрывами. Воронки нестремительно падали кистомой гарью.

Ночам я усаживался возле избу с автоматом и больше всего боялся, что отведу в ругань, в ругань, в ругань, вымазали лопухи. Помятые огороды были искорежены танковыми гусеницами, разворочены недавними разрывами. Воронки нестремительно падали кистомой гарью.

Однажды я увидел на улице женщину с торбой за плечами. За ругу она вела крохотную дубровицу, старательно хлопотавшую ножками, чтобы не отстать от матери.

Отступать было не будет! — настороженно, с горьким недоверием спросила женщина.

Невозможно было понять, старая она или молодая. Она была серая. Серый, сбившийся набор шершавых плеч, серые космы волос. Лицо с угрюмыми, застывшими глазами. Зависшие щечки, с которых, казалось, сошла живая плоть. Твердые контуры скрывались губ. Долопела каша-варенко, уродливо скрюченная из солдатской шинели, юбка из мешковины. Пыльные носы с кривыми пальцами, ползшими на обгорелые сучки.

— Значит, можно в дому поселится? — спросила женщина стертым голосом.

— Можно, — растерянно ответил я, сообразив, что это первый житель дубровицы, вышедший под одну крышу. Конечно, можно.

Женщина дернула за руку девочку, по глазу укутанную платком, и направилась к избе, где хранилось мое имущество.

«Хозяйка» — догадался я и пошел следом.

На площадке подлетела крохотная бричка, где я еще вчера оторвал на Дрова ящик, машинально поправила дырявую шапку и болязнь распахнула дверь. Дверь выглядела скрипящая петлями и пропущила хозяйку в дом.

— Ну вот, — сказала женщина, распустила концы платка и скинула торбу. — Вот и пришли домой.

На обращая на меня никакого внимания, она обошла избу. Потрогала холодную плеч с выбитыми на загнившие кирпичики, провела рукой по стене, оклеенной сидела за колченогим столом, словно не веря, что он уцелел.

Затем она принялась разбирать котомку. Вытаскивала тряпки, вынула поштучно котелки, вынула бутылку, вытаскивала флажки, достала платиную плась-палатку. Вывернула темную крохотку хлеб, покочала ее на руке и снова спрятала.

Девочка, не шелохнувшись, сидела на скамье. Губы ее были плотно, не по-детски сжаты.

— Как тебя звать? — спросил я девочку.

— Она вздрогнула и вцепилась, как в опору, в материнку кашаевку.

— Ну чего ты, чего? — Женщина поглядывала во костялым плечикам и сказала, не поднимая головы от меня: — Шурой зовут... Одинака она в войну. С самой весны мы в глухомани жили, вот и одинака. А так Шурой звать.

— Шуря? — зачем-то переспросил я и ни с того ни с сего пропел куплет глухой доводной песенки.

Девочка затравленным зверинчиком соскользнула со скамьи, юрнула за мать и затрещала в молчаливом плаче.

— Вы не бойте, — попросила меня женщина. — У нас германцы стоят, тоже будут пени петь, а потом бебук уби.

— Как уби? — глупо спросил я, отлично знаяши, как убивают людей.

— Обыкновенно убили, из револьвера, — объяснила мне женщина. — Кашляла у нас ребята по ночам, гудели, мялись. Терялись они во все время в сенцы выгонял, а тут ятлы напился, осернал и кончил бабук...

Говорила она устало и равнодушно. Словно рассказывала наскувшиеся деревенские новости.

— Не бойте... Пусть девчушка немного от страху отшмыднет. Всякого ведь она насмотрелась...

Ошарашенный ее словами, я, помню, развязал вещевой мешок, достал кусок сахару и протянул его девочке.

Та воспринительно усталилась на мать.

— Возьми, — коротко сказала женщина.

Девочка отгела сахар и, ступая по половцам, как по неохрещенной ляду, подошла ко мне и взяла сахар. Я подумал, что сейчас он захрустит на зубах и между нами установится полное взаимопонимание. Любопытного отгляде белый нездравый комочек, недели две пролежавший в солдатской вещевом, давшем пощечину, катать его по скамье.

— Глупая, — сказала мать. — Это же сахар. Кусок его, он сладкий...

Девочка крепко зажала в кулачке сахар. Наверное, она подумала, что ее хотят лишить игрушку, извести красивый белый камешек, подаренный военным дяденьком.

— Не едала она еще сахару? — Женщина неожиданно всплинула и расслась. — Как война началась, грудная была, а потом уже не дозволено отвезть... Солдцы бы ты нам дал, солдаты. Извелся мы в лесу без соли.

Я вывалил из стол все, что было выдано старшиной на трех человек.

Сушки, кусок сала, пачки пшеничных концентратов, три банки рыбных консервов, жестяную соль.

— Вот, берите... Берите все, мне ничего не надо.

— Как не надо, живому человеку все надо.

Женщина внезапно вскинула на меня глаза. В них была благодарности, неверие и устоявшаяся печаль. Все было смешано в этом взгляде, и нельзя было понять, что из этого главнее.

Затем она сказала, что ее зовут Настасья, отсыпала щепотку соли, березию послала темную горбушку и стала ее торолливо и трудно жевать.

Настасья прибралась к избе. Крутым кипитком она яростно ошарала стены, высобила заслеженный пол, села в углах махры паутини и копот.

Осмелела и Шуря. Она уже не вздрагивала, когда я заговорил с ней, не протасала за мать. Туда, куда она сидела, а закуте за печкой. Перебирала какиж-то ласкути, заворачивала в них тугуговцы и камешки, укладывала свертки в полатый мешочек с ляками.

— Во что ты играешь?

— Как во что? — удивленным голосом откликнулась девочка. — В бегенцев... Скоро германцы на машину приедут, тогда они сидела в лесу. Германцы боится ходить... Холодно там, дяденька, и хлеба нет... В бегенцев я играю.

Я скрипнул зубами, сплнил подходящий сук у осины, просидел над ним минут пять, вынул из мешка уксус, куклу. Химическим карандашом нарисовал глаза, двумя дужками брови, рот сердечком. Потер палец о кирпич и навел на деревянные щетки мушкет.

Когда я преподнес Шуре свое изделие, она глубоко вздохнула и прохлудила слюну. Губы ее расслылись, и носилея улыбка скользяла по их укладкам. Девочка моргнула и спрыгала за стиную ругу.

— Бери, бери, — разволновалась и прятала не меньше, чем Шуря, сказал я. — Бери, играй будешь...

Девочка выхватила у меня подарок и умчалась на улицу. Настасья привело ее в избу и заставила сказать спасибо.

— У самого-то ребята ест! — спросила она грудным бабьим голосом.

— Что вы, а вы естолосты.

— Ждешь, когда война кончится? А вдруг убьют тебя, парень... На твоей войне живому остатку изуродованного дельо.

— Можеть и не убьют... Так ведь тоже бывае.

Я почувствовал, что Настасья, как-то по-особенному склонив голову, разглядывает меня. Только тут я разобрал, что глаза у нее синие, как сумеречное небо в прорывах облаков. Сообразил, что не совсем старая еще она, моя неожиданная хозяйка с измолженными лицом и жилищной шеей.

— На войне ничего нельзя про запас откладывать... Да и пройдет она, это распреклетая погубель... Жизнь останется, и живые по земле тоже ходить будут...

С первого же дня, как повявлась Настасья, жизнь моя стала веселой. Ничего уже не было темного чувства покинутости и одиночества, потому что рядом спали живые люди.

Зарева отходила все дальше и дальше, горизонт не курился косыми черными дымами, и я понемногу перестал бояться, что сонным попаду в руки к какиж-нибудь бражничим немцам.

Настасья была и устала баню в корите. Семилка шершавый платок на косынку. Голоза у нее стали оживать, и на щеках вылезали несмелый румянец. С утра до ночи она возилась по хозяйству, собирая по крохам, по осколочкам то, что могло пригодится для жизни. Колала на изуродованных городках беспризорную картошку, носила из лесу борщевую рыжице высвет, борщевик и перестелую чернику.

Сам по себе сложился у нас общий котел. Мне поместилось найти в разрушенном серке три ящика немецких гранат с длинными деревянными ручками. Я свазвал гранаты и глушил рыбу в речных омутах. Чаще всего бывал в избе, где — окунался, потивчик и колочих, в плась величиной, говолявсь ершек.

Однажды я прошел врыть по реке и наткнулся на остатки мельничной запруды. Берега здесь круто уходили в глубину, и поперек реки торчали гнилые сваи. Я соорудил сваяку из пяти гранат и кинул их поближе к сваям. Аннуло так, что вода на игольное словно провалилась в яму, об-

нажили игольное дно, затем вздыблились у берегов мутной стеной и окатила меня с головы до ног. Черты вымшились, а вытер лицо и увидел, что возле стая белых лебедей поворачивает браню.

— Браню безвольно шевельнуло хвостом. Это был матерый сом. Усатый, с морщинистой плоской головой и раздутым ротом.

Я кинулся в воду и выволок добычу на берег. Вosome было глуда полтора.

Настасья обрвадась, ловко распорщила рыбину, затопила печь и кинула в чугунки жирные куски сомятины.

— Праздник у нас сегодня,— сказала она помолодевшим голосом и съела с головы косыню. Волосы у нее оказались пушистыми, как у девочки. Курчавая прядочка непослушно вылезла из-за уха, и Настасья отдулась, сажая вылезшую иголку в губу.

— Добычий ты, Коля,— похвалила она меня.— Соби воти у нас столько самая малость осталась.

— Ничего, первобытные люди и вовсе без соли жили,— пошутил я, наблюдая золоты хозяйки у печи, где в широком зеве уже гудело доброе пламя.

— Так то первобытные, а нынешним людям без соли житье худое. Человечью надобно, особенно теперь. Извелись люди за войну, истосковались. И соль им надо и доброе слово.

Она подошла ко мне близко и наклонилась, заглянув в глаза. Волосы ее пошевелили мне лоб. Они пахли горьковатой луговинкой и зольным щелоком. Присоение было тревожным и пугающим. Настасья неожиданно погладила меня, как маленького, по голове. В глазах ее беспокойными капельками вздрогнули влажные зрачки.

— Ничегошенького ты, паренек, не понимаешь,— зыбким голосом сказала она.— Вынулши на войну тебя, считай, из люльки... Небось, и девочки ни разу не поцеловал.

У меня заехали уши и гудко тукнуло сердце. Я напыжился и что-то соврал насчет девочки.

За ужином Настасья была неестественно оживленной, подкалывала мне куски старой рыбной сомятины.

Размеренной обильной едой, я угорел под нажитую шинельку и придремал перед бессмысленным ночным дежурством. Очнулся я от неожиданного прикосновения и увидел глаза Настасью.

— Это я, Коля, я,— слышавшимся шепотом сказала она и скользящая под шинель. Я ощутил на лице присоение волос, почувствовал жесткое, неожиданно горячее плечо.

В окно светила луна. Желтым, немилосердным оком она одиноко подслезала в избу. На полу лежали полусы завернутого сахара. У печи, на сдвинутых свемьях, спала Шура, разметающаяся на трелье. Рядом с ней белела куля, вырезанная мною из осинового сука.

— Пришла вот к тебе,— сбивчиво шептала Настасья.— Хороший ты мой, добрый... Сердцем приватный.

Она судорожно обняла меня за плечи и припринкла к лицу твердыми губами.

— Ну что ты? Ну что?— ошандоже шептала она.

У меня пересохло во рту, суматошно застучала в висках кровь. Я не знал, куда деть оставшиеся губы.

— Не бойся меня, Коля. Я ведь к тебе всей душой. Сердце у меня насквозь пронзилось, Согорей ты его, паренек, согорей ты самую капельку. Ну чег ты, чег? Дурачок ты, глупенький...

Я чувствовал томливое присоение женской груди, видел, как вздревлевают на шее остывшие лысы. В короте сбившейся кофточке суко вылирала ключица, и на шее горючнотро трепетала жилка. Так близко от моих глаз, что, казалось, я слышал, как толчками билась в ней живая кровь. Я откинулся и снял с плеч руки Настасью.

— Не надо... Не могу я так.

На меня нахлынула стыд и обиды. Я ведь еще не знал женщин. По-товне думал о них. Но не мог предвидеть, что сокровенное случится в полуразушенной избе, на шеробятой лавке, с незнамокой женщиной в юбке из шершавой мешковины.

— Не можешь,— потерянно вздохнула Настасья, сминла, отодвинулась от меня.— Поможешь не хочешь, прискачь... Если бы ты только знал, сколько лица мне судьба отмерила.

Она заплакала, уткнув лицо в мою шинель. Волосы ее расплывались, открыв белую, слабую шею.

— Ну что тебе, Коля?

Настасья приглушенно вылиплакая бабый стыд, всхлипывала, как обиженный ребенок, и вытирала слезы куластвыми кулаками. Потом ушла к печке и повалилась там рядом с дочкой на хромоногое, застланное трельем свемьям.

Ночь вершила своим порядком. Луная миска лежала на белесой, росной траве. В спелем рыбничке топтался ветер, утробно бурчал на чердаке. Скотливо моргала над лесом пригоршня маленьких, ничтожных звезд.

Я сидел у окна с автоматом, до тех пор, пока не начала истмивать темнота. Дням Настасья сказала мне:

— Прости, Коля, забудь мою бабку дурь. Ничего в нас этой глупости несоваро... Нам ведь как белая рубашка, так и праздник... Куда мне теперь с копиченькой-то рубликом заниматься. Ночью, случается, душой живешь, а день и остудит думки, и скажешь, что к чему... Бабья сердце, оно, как горшок с супником, что было, то и всплыло... Разве раньше я такая была?

Она сунула руку под кофту и вытасила матерчатый сверток. В нем были документы, немного денег, рубли и марки, какие-то немецкие справки и выданные издалека паспорта. Из свертка она достала фотокарточку.

— Вот, гляди, перед самой войной снималась.

На крохотной, с истрепанными углами фотокарточке я едва узнал Настасью в тугошерной девушке. Брови у нее были широкие, курчо раскрасовались от переноса, в углогах пухлого рта угадывались смешинка. Над носом, над лбом, над короной вздымались косы, непослушный завитокazole уха был кокетливо прижат заколкой. Тонечную шею облегал круглый воротничок.

— Красивая я тогда была,— сказала Настасья.— Самая красивая в нашей деревне... Учителька работала.

— Сколько же тебе лет!— спросил я, разглядывая то фотокарточку, то Настасью.

— Скажешь, так не поверишь... С прошлого месяца двадцать седьмой пошел.

— Двадцать седьмой?

— Двадцать седьмой,— навесело подтвердила она.

— А муж где?

— Муж обехался груш,— прикрыв губы, уронила Настасья и свела брови.— Нет у меня мужа. Шурочка мне не дочка. Принимай она, сиротинка. В сорочк перебежала, как семечки из города шила, я ее на шоссе прибрала. Месяца четыре ей было. Вот с тех пор она и при мне.

Она устала в око, и глаза ее снова пристыли, словно свхлатило их морозило. Стави угрюмыми, как в той день, когда я ее увидел в первый раз в лесном дощатом дощатом.

— Бабой меня немцы сделали. Фельдфебель Отто Шварцинг. Когда наши отступили, остались мы тут в горе, как в пучине. Немцы любую утеху себе творили... Болают теперь, что Шурочка у меня, мол, от этого фельдфебеля, от Шварцинга. Пусть уж лучше так, чем сказать ребенку, что неродная она.

Я почувствовал от такого признания. Видно, у Настасьи так небогато на душе, что она не могла удержаться и выплеснула все через край незнамокому человеку.

— Настасья меня нещелдела,— страшною отдалось в моей голове. Как же ты, Коля, как же...

Настасья угадала мои мысли.

— Силком меня вяжали, насильничали,— ты продолжила она.— С месяца баловали, только я своего добилась. Фельдфебеля этого и еще троих с собой в сорочку, Коля, везду калася скрыванная. Душата ведь нашу деревню спалили... Вот и принок, кака у меня вина перед людьми. Она помолчала и отняла от лица тяжелую руку.

— Разве толки забудут, как их родные глаза сожгли, как жем, сыновья, и братов поубили... Поможит они мне этого фельдфебеля Шварцинга... С той поры, Коля, сердце у меня темное, и все жить идет наперевертышки... Такой бороной война по мне провахла...

Я попросил ее замолчать, не говорить больше ни слова. Я не мог слышать их, простые и страшные, каждае из которых было доподлинной правдой. Я поднялся и пошел из избы. Настасья поглядела вслед с мягкою, напечаленной печалью и сказала вдогонку:

— Дурачок ты, глупенький...

От этой приказки на меня накатил злость. Не на Настасью, изменчивую, тяжко обиженную войной женщину, истоскованную в лесном логове, окруженную подозрением, обремененную на одиночество среди своих же людей.

Злость накатил на войну, спалившую деревню, разогнавшую ее жителей, искоренившую танками полк с молодой картошкой, на фашистов, которые в сотне километров все еще хозничали на моей земле.

Дня было суко дурное. Воду из колодезя скрыванная. Душата ведь трудно. Над лесом гудились обвалы, набравшие грозу. Зудала и вылезла возле лица шара отходящая мошкара. Тоненьким, кислым голоском пела на крыльце Шурочка, укачивая кулю...

— Дурачок ты, глупенький...

На другой день за мной пришла из полка машина.

Белоболый теленок метнулся от сарае, с грохотом опрокинул пустое ведро. Хозяйка достала его по спине хворостиной. Теленок обиженно мыкнул, задрав губастую пасть.

— Иди же ты, иди,— поговуче сказала Александра.

— Шур!—

— Вот ведь разглырлся не ко времени... Иди, поило отсынет... Дурачок ты, глупенький.

— Она!— тревожно толкнулся в моей груди. Конечно, она, та маленькая рысачка, которая я когда-то дал кусок сахару и вырвала кулю...

Вечером я сказал Шуре, что вояла в этих местах, и спросил, как завали ее мать.

— Катерина... Катерина Васильевна Белевина... А что? Глаза Шуры притянулись. Построила прозрачная синь, и короткие стойкие складочки твердо прояснились меж бровей.

— Да так,— уклониво сказал я.— Ничего особенного... Приказка у вас смешная.

— Катерина Васильевна... Значит, не она. Ту женщину, я помнил наверное, звал Настасья?

Странно, но мне вдруг стало грустно, что Шура не та девочка, которой я сделал кулю. И деревня не та, где могла жить Настасья с приемным дочкой...

Не найти, видно, мне той деревни, не встретится мне круто, лицом к лицу с той далекой жизнью, оштунтой теперя в воспоминаниях полулегендарной дымкой. С жизнью, в которой так же, как и в нынешней, было все не очень просто.

— Почему вы про маму спросили?— настоянию повторила Александра.— Неболтал, значить, уж вам. Фрицевой ведь меня на деревне коветно не отсынет...

Она встала за столом, негнущаясь, прямая. Смотрела поверх моей головы.

— Почему вам не уезать отсюда?

— Уезду же у от родного дома уеду? Здесь маме у меня похоронена, хозиста вырвало, и здесь я здесь... Издалека ли мне спавать и убежать. Разве эти спавать? Да вы ужнитесь, Николай Павлович. Я троих отдохну, мне еще вечернюю дощу спавать.

Мне захотелось рассказать ей фронтную историю, но я вовремя одумался. Не разбирая, ни рассказ может статься, у Шуры умешую мать.

Ни в другой раз, а снова трясся я вранью по мощному бульварному шоссе и снова пытался вспомнить название той крохотной лесной деревушки.

ДОРОЖНИКИ НА САМОТЛОРЕ

Борис ФАИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)
Специальные корреспонденты
«Смены»

На тюменском аэродроме кто-то спросил пассажира, летящего с нами на крупнейшее нефтяное месторождение у озера Самотлор:

— Куда направляетесь!
Последовал ответ:
— В будущее Тюмени!

Это прозвучало внезапно. До сих пор — и с совсем еще недавних — тюменская нефть, этот, по выражению экспертов фирмы «Стандарт Ойл», мировой гигант № 1, связывалась с названными Сургутом, Нефтеюганск, Правдинск, Мегюна... Лишь в этом году тюменцы в полный голос заговорили о Самотлоре. Нам предстояло узнать о первых шагах освоения Самотлора, его перспективах и проблемах, о том, в каких условиях люди работают и, главное, как работают.

И трактор и вертолет

Кидаясь из джони в качку, вездеход натужно считает узлы таежной просеки. Гремящие яростно гусеницы выбивают на обочинах — с жутким шумом рьяную болотную воду. Двигатель чахнет, работает пулеметно. Волчок и дерзатин, укрывающие его, нагреваются. Густая духота складируется внутри вездехода. Едущие пассажирами, гасят плагирион бульдозеристки смолочной горюлькой черноросинки, вальщики леса плутовыми удильниками упираются в трясине сиденья.

Бригада дорожных строителей держит путь к пятидесяти третьему пункту.

Неподолку от просеки, сквозь редоюция заспон танги, мелькает стесанными круглыми боками лежневка на Самотлор. Она уложена в низинах и прерывается, на грибах. Потом засыпкой сровняют дорогу. У пятидесят третьего пункта лопнишка пока обрывается. Все длинная плечо от места сбора дорожников к месту работы. Все дольше и час ездки. Все ненадежной промятая траками колеса. Людям, заткшим, в вездеходе, нужно продвигать лежневку. Нужно снова и снова валить и трепать лес, укладывать по трясинам продольные лежни, а на них уже — сплошной поперечный настил: он укрепляется прижимным брусом и тогда готов под засыпку грунтовыми двадцати песком.

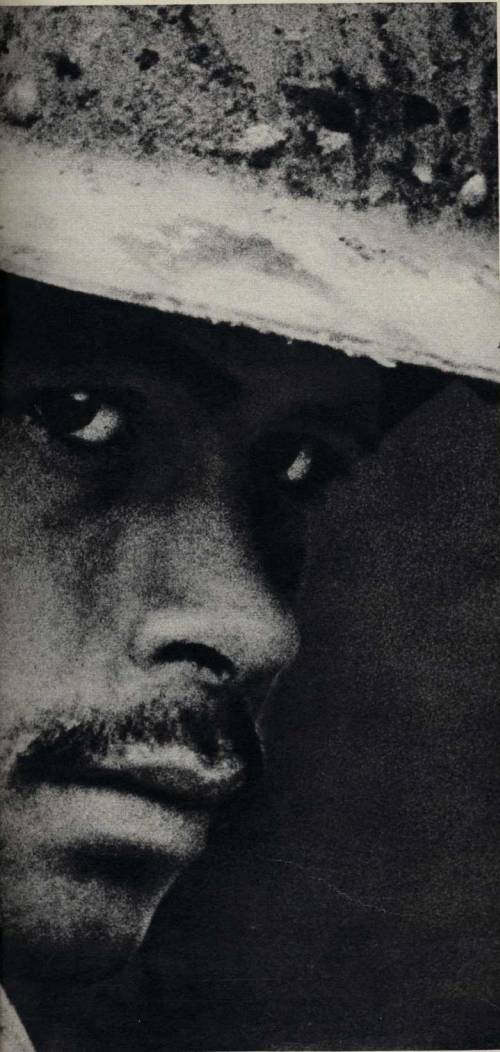
Тяжело дается лежневка. Километры медленно складываются из погонных метров, из квадратных. Танга крутом скупая, чахлая, Челышкин. Подходящую погону надо выстигать.

Необходима дорога. Она — тракторный путь на Самотлор.

Белобрысым вертени водитель самосвала Алексей Трусов работает на сооружении другой дороги в Самотлор — болонной. В кавычке он лихо выдергивает ковенную свою машину из-под ковш экскаватора и, дав газ, легко объясняет:

— Я про этот самый Самотлор услышал, как прыстал в поселок. Люди толковали, мол, нефти под озерам нашли навалом. Двадцать лет будет идти самолетом, а после еще сто лет качать станут!

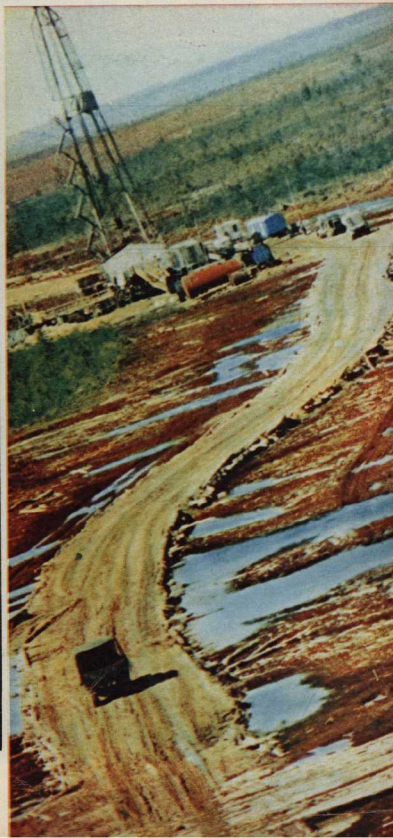
В словах и жестах водителя та подуливающая уверенность, которая свойственна работникам, занятым делом большим, огромным, уважающим его и болеющим за него. Уверенность и, пожалуй, завта... Та же хватка, хоть и не без оттенка деловой озабоченности, у ирриного сдвоятого маламлаки Суфур Юрия Григорьевна Шарематьева. Говорит он резко, напористо:

**Пятилетке —
мастерство и
поиск молодых!**

Помощник бурильщика Саша Карпенко — один из первооткрывцев Самоггора.

На лежневую дорогу пока вся надежда...

Идет бурение.

*В Нижневартовске все
больше молодых отцов.*

*Путь воды бывает и та-
ким.*

Вечерняя неспя.

ностью, невеста как возникшей в извечных этих топях, в глухомани.

По воздушной трассе от поселка Нижнеавдартский до плоского Самотлора — минуя двадцать И неосвоенных, висевших в этой пустынности оживленных берег Самотлора, С буровыми вышками, с сибирскими буровиками, с вахтами, с вахтенными для отдыха в негустом медраче, с отрезными ленточками, по которой, поднимаясь, ползает автомашина да тракторы-болотники.

Имеюла грузов успели завезти нынешней зимой по еще одной дороге на Самотлор — по зимнику. В месточайище — до минус пятидесят — морозы. И вагончики, и меховики, и вышки на Самотлор. Еще в зиме не сошел с озера лед... Поюнтся озеро, ледяной танк — по озеру — вода. Почему? Возможно, из-за трудноразрешимости, отделимости. Ведь при сильном морозе, когда лед тут в лодке-облаке. Теперь же людским стал Самотлор, многоголосым.

Кредо бурового мастера

Буровой мастер Геннадий Левин прибыл сюда недавно из-под Куйбышева. Со всем — полностью — бригадой, а это, если сосчитать, четыре вахта, буровики, помбуры, верховые, рабочие, дизельисты...

— Сам я в Сибирь побоялся. Комары, зима суровая, больше всех у нас Геннадий Сибирев шумел. «Поехали — и поехали! Там и мы позора нуныи и нам дел — по горло! Смотрите, все больше ребят и только делу силонится, и семьи у многих соглавы. Ну, а я куда без бригады? Собрался! — Воспоминания тинут Геннадия и улыбок. — Мы ведь там в хороших ходили...

Левин молчал, круглолиц, нетерпим, в неспешном, в деле режон, точен. Левин однажды не поназвался в обычной своей собранности, когда, вымотанный тиничем, суматошным днем, спал, разбито раскинувшись, на застланной койке в кубульбуре, что находится рядом с буровой.

На простом столике — суточный набор мастера, из которого следует, что «В. Васильев провел намотанные работы, Н. Кирева смотал в бусту отработанный талевый канат, С. Баузин обработал площадку оного устья». И еще на столике — раскрытый нинга...

— Это мы я читаю... — сказала утром Геннадий и понадел... — говорит, хороша. А я и забыл, когда ниинку держал.

Спокоенство лица, еще до завтра на зарию на буровую, обещаю хозяйство перед новой вахтой — предстояло чинать спуск колонны.

Кто-то сказал, что хоть и не все буровики завести трезвенники, но на Самотлоре не пьет. Работы опасны. И ритм и направление тут особенные.

Вот подмываемся сплунку со сталева леруку из труб (все — по одной — замерны и пронумерованы). Иерманом — другими ирочном — подтгиваем трубу на станок, и помбуры цепляют ее. Буровики дергают одну из ручек пульта — шипит воздух, подтянутая труба надрывается в отверстический илном подворачивают ее, в боковины ужима на помосте.

Ремон буровой — непрерывный. Преврещ работу, приинлет инструмент или — чего доброго — обвалится стены скважины. И вот беда: нет еще готовых дорог на Самотлор, кроме вертолетной. Случилось, был обложной дождь, стела низини гу-

стой туман — вертолет не мог доставить сменщиков.

Или свиную спсаял, или свей жалел... — сказал мастер.

Вахта не поиндала стана. Сам Левин поднедал то одного, то другого, пока ребята ходили в столовую, поставляли мину.

Вахта Валентина Васильева отстояла подряд... 32 часа!

Васильев попустился, летчики не могли отогреть взгляды от буровиков — запланные глицыстами растертом, востановили глазами, те молча и медленно влезали в кабинку.

А мастер обаял, начался другая вахта, иерачила шва ответственной.

— Мои оркети, Олесина с Татьяной, набежуют, а я и гробиться под лавку спешу! А оид «Планипа придет»!

— Как Сабир? — ответил тот. И остался с «чужим вахтой».

Если поинтересоваться у Левина, откуда в людях берется сила, сметает сразу, он оид «Планипа Ауманое»:

— А как савадты? В войну, писали, по трое сутон из окопов не уходили. Любой бы отстоял, раз надо. И ты б отстоял.

Самотлор и вториче схож с фронтом. Только со своей тактикой и стратегией.

Весной и летом вышну не потаскаешь по болотам — проваливается трактор. Вот и иншт каждый твердый илком, упрелител его и тогда только новозаня, с «нуста» — бурит несомненно свивающе.

Не вертальными илком — наклонные, по зимному уду, по азимуту, например, под озеро.

На Самотлоре две буровые бригады — Левина и Поква, и маждя переживает о делах другой. На буровой Левина ушлины: «Мам там, в Поквах» и чин-то ответ: «Забурива. Набралт кризисну».

Если кто-то за гулом дизеля не распылшит, ему повторит: «Поква набрелет кризисну».

Зимой-то полечте, вертикальные свиваны можно бурить, так таская вышну, твердо все, инейше зима, когда леденяе раствор, выши оинутываласы тужимой и машини ходили с замечеными фаран. Начальство антривоале день за днем. Олжиде горно-технический институт зависса в вахтенном журнале: «Сывшие сорона граду-сая в буровой воспрощителся». А кто со считает теперь дни, когда держаласы все пятдесят?

Но не одно мастерство вручатся. Из авадатч восьм человек прибывших с Левиним, четверо уехали. Мастер инном не любит осудител. Но об оном сказал:

— Был такой помбуру у меня — красносочиный, ирелити. Как бурение уехал — золото цини ему негн. Каким образом подготовительные работы — а они самые грязные, самые безденежные — так у него то болит, так болит. Вот он и уехал. А я назову в бригаде многих, что и с пополнением выхоят. Голыши, бывають. И о нем, как о помбуру, сомнел. Но уж чинь и он-то себе жалел, так жалел — в глаза глядеть ему не хотелось.

Завзаты — да ты не пиш не надо... Вот там на Самотлоре бывають.

Мастер подкисывает главный вывод: себлюб-цу дорога на Самотлор — и вообще в Сибирь — замасан!

— Нам бы еще десятка два самовольщиков, да автогрейдер, да бульдозеров единиц, всеюм, мы б не такой темп дали. Надо ешм темп, да вышнотой! Только это теперь не работать гладко. А зимой? Попробуйте на новом грунте ужалител. Мы когда по трассе ехали, просадочку заметил? Это, признаться, наш брак. Наше пер-рвое болото. Мы, нота на Мегном шле, семь иннометров болот выиторфовывали. А и Самотлору — все одинакител набуртисса. Да! Как первое болото прошил, целый праздник справили. Ну, а иныне уже без праздника обходисся, научились маленько нондвать в болотакто. Да и разве ж без опыта возьмеш Самотлор? Вы спросите, с чего мы начинали. Когда высывали первый десант, ничего ж кургом не было, кроме болот. Три километра шли три дни. Ташини тракторами вагончики. Засиде — вытаски — олит засиде... Это теперь у нас и поселок, и автобазы, и кусок готовой трассы. Бетонная. Каждое утро с прибрежья Оби, где среди немядистых построй вкрутой горлы леги клетены площадки, поднимаются «ММ-4», увоза на работу строителя, ашнометромжонков, буровые нежданной. Похоне на стреноз, вертолты увеличатся, будорага гулом бесшумное небо. В круглые окоща видны острога тайги, зеркала озера и — снольно глядет глаз — трясинные и иочнезные болота. И разливашасы река. Послею же с воздуха глядятся отвлеченная дерзкой подоро-

Сапоги, сапоги...

Едва встанет над поселком солончак, чуть задержат грязь, минеравтоцы спешат надевать туши — надеши солончак, ок как надеши! Небеску шуми асвалт. Ну же надеши, Ну же надеши, Ну же надеши — не дошато, не засылино — ипалитана, с удобатаи и новатаи. Тепер, новатаи появились Самолор, исно: людем здесь митт да митт!

Устанот ноги в резиновых сапогах. Веда в посоло после работы возвращаотса дорожини и буровини, истрини и строителни.

Строителни обустроят маторострени. В норотне месцы они успели провсти в низини болота трубупровода (свеего и в травище, и на хоростной подуше, и на полавках); соорудили коллекторы — насосы, насосы, насосы; поставили насосную станцию, соединяеа ее трубупровода с товарни парком, откуда начинеетс путь самолорскиму в Омскн парабатах, веде ващио завод. Как тут строителю веда болотни «недтанку»? Пеломе болотни, нахотел ситанне месцы после начала работ. Был митинг, таме травога, радосте и новал травога. Истрепробовали Самолор еще только формируеи, и все здесь новачки, всем надо принаровливатса и кичуюю нраву болот.

Еще в мае кто-то сказал: «Береы скоро заветут. Конечно, протает все к черту!»

Болота настроивали. Болота учили чутности. Первыи это заметил самолор: на одном из свивани упало давление. Начальни Самолорского участка нефтяники Илья, мастер Иеврилы и сварщи Костини, лодья до оттаза сапоги-болотни, ринулись искать. Сиору уронили: хлещет нефть, промачиваеа сапоги, и трясинаеа болота. Перебрали свивани. И больше суток выбирали замученный торф, вымывали нефть, засыпали «проявом» сиегом и бетонировали глиной. Недалеке пылаа газовой факел. Погода стояла безветренная, и вода была сильно загарама. Оттуда подышати. И снова работати. Расставили аппаратуру, таекиаеа котел, наливали его водой. Потом на войлок лег сварщи и, роняя исры, стал варити трубу.

Устанот за дни ноги в сапогах-болотниках. Нужен Самолоруты туши. Нужен баллоустроенный гол.

Сперва его проентировали байширски и новосибирски институты, потом — московски «Геолор». Вечере проенте «тренировеа» болота. Не как переходити от времюни и капиталному строителю, а веде болотни, нахотел ситанне месца на пенно болото, веене болотистого строения будущего города? Когда развернети мотрелитса Базз! Нужно много полноборного минерала в северном исполнении. Нужны сборни мезоэлементов и минералов, ищени, общеведеи, геологичекие и стolareние мздела. Нужно не просто, а максимално, на высочном уровне налаживати быт, налаживати развитиа геологического маторострени четко поставила эти проблемы в повестку дня.

Минеме академиком

...В 1932 году академик И. М. Губини сказал, что в Западной Сибири есть нефть. Это было воспринято с сомнением. Геофизика лишь возмоздала. Не было ни специалистов, ни техники, ни геологичекие карты неизменности. И хотя разведочное бурение все-таки началось, нефть осталася не обнаружена. Драматически складывалса путь к Самолору — долготелни путь поисков.

1947 ГОД. Простору неизменности обширни — искать нефть науачу, методом «двойной кошки», это иногда делали американцы, было невозможнот. Составлятели план бурения геологичекие опытни свивани, сверденные геологичекие профили. И снова неудача за неудачей. После нужных геологичекие все на соти другое мест. А веда были уже и самолеты для разведки воздуха и геофизичекие аппараты. Недалеко слысь голоса, что работи веесити пора прекратити. В единих районах они были сворочены, а в других резко сокращены.

1953 ГОД, 13 сентябри. Березово, известное по истории Сибири, обвешено газом. Через несколько дней из опорной свивани ударил сильнейший фонтан газа. Но торжества сверчала тумелад аваричекий выброс газа разущиа оборудование буровой.

1958 ГОД. Поиски продолжались. Ученые и разведчики добивались права выхода на север, а наименее обжитые районы.

1960 ГОД. Близ Шама, у реки Кюны, забил нефтяной фонтан. Но все непростот. Нефть оказалась из небольших залежей, начинать добычу было трудно.

1961 ГОД. На совещании в Москве виднейшие ещешащици настануют на ликвидацию «Сургутского» месторождения. Принятые решения воспротестовывала телеграмма-молния: «21 марта в Мегроне посылена фонтанная добыча. Обращаю ваше внимание! Телеграмму подписали некие знаменитыи нефтеразведчики, Герои Социалистического Труда Ф. К. Саванови.

1962—1965 ГОДЫ. Открытия за открытиями. Страна и мир узнают имена Сургуты и Нептроевска, Правдиска и Мегронска. Откуда начинеатса Большая нефть Тюмени.

1965 ГОД. Впервые забил нефтяной фонтан в озере Мегроне.

1965—1969 ГОДЫ. Испытания самолорской системы поисков, что они должны быть в ДВАДЦАТИ РАЗ больше нефть, чем на других месторождениях Приобья. Открытие слесом маторострени сиего покочило Самолор, «Уже одно да это все!» — высказали догадку геологи.

Личь недавно стало ясно, что поисковики имеют дело с одним гигантским многопластовым скоплением нефти.

Самолор ежегодно может давать 80—100 миллионов тонн.

— Чтобы выявить одно и то же количество нефти, нужны тысячи буровых установок, тысячи скважин, а на Самолоре чуть больше двух тысяч. Только на металле, на трубах гигантская экономика!

Это глоса специалистов. Но как подступатса к самолорской кладовой, граница которой пока неизвестна? Разведуютса! Сушить озера или нет? Сколько пластов брать на разработку? Как бурить, если надо искать каждый твердый клочок почвы? Когда будут готовы дороги? Трубопроводы?

Десятки научно-исследовательских и проектных институтов занимаются сейчас Самолором. И частично отчеты на это уже дают сами самолорцы, как бы ведущие «разведку боем».

15 АПРЕЛЬ 1965 ГОДА. Кошечный зал филармоничекого театра. Начинеаеа работи конференция по вопросам развития и размещения производств нефтьной индустрии Тюменской области. Академик Н. П. Баранов говорит:

— Теперь можно сказать, что Тюменские богатства открыты очень своевременно, мы можем их сейчас использовать эффективно и в больших масштабах. Вряд ли это можно было сделать раньше.

Молодые специалисты

— Медведева, приходи сегодня. Настольный теннис organized.

— Сегодня не смогу. Из института разработку по Самолору прислали, надо пойти в вечернее.

Коля Медведева — старший геолог неуправления. В нем удивительно уживаются мягкость и строгость. Теперь ему двадцать шесть, он член бюро райкома комсомола, член комитета ВЛКСМ управления, депутат поселкового Совета, ученик секретаря комсомольского комитета. Добраки, что он еще бейсерб-первоазридин — и ограничился.

Он будет сидеть допоздна, пока не уронит гол. Будет читать исследование института: веде Самолор! Коля — геолог-разработчик, его задача в том, чтобы наиболее полно изучить данные во времени профиля эксплуатационных, сделать графики восстановления давлений скважин, определить «веса» — Опыт у Медведева есть, и начал он его набирать задолго, а в Нижневартовске — с будущей своей женой и сокурсницей в Тюмском политехническом институте приехал на предпринимую работу. А через год — насосем. Если кто-то случайно спросит теперь его: «Иולי, ты из Сибири не думашка?» — усмехнется и ответит: «С моею-то фамилией!»

Медведев, пожалуй, один из тех, кто возмужел по лянтия «Самолор» содедат ту атмосферу профессионализма и деловитости, которая особенно важна сейчас, когда организуютса тщательное изучение пластов, когда с самого начала предпринимается практические шагати, чтобы грамотно и планомерно эксплуатировалса уникальное месторождение.

На Самолоре в первую очередь разубрили магнетический ряд скважин, чтобы сразу обеспечить восстановление пластового давления — сразу-улучше объясняет Николай. Самолор не скрывает.

Назавтра, когда соберутса у Медведевых гости, жена Ниннола, Надя, как бы походя, расставала тарелки, спросит одинокашника по институту, а ныне старшего геолога конторы бурения Юрия Шашкова:

— Юр, когда самолорский керн сдаче на анализ? Надя работает в ЦНИПРе — сексе научно-исследовательских производственных работ. Когда брали первый керн на Мегроне, деде Николай начал, и пришлось возити керн в Тюмени, в институт, ибо никакого еще ЦНИПРа в Нижневартовске и в поение не было.

Что же, Самолор не возьмеш без базы и вооружения «невооруженными»? Да как оборудована Медведев? Его доклад. «В результате промыслово-геофизичекие исследования на Мегронском месторождении получены первоначально в 4-х научно-технических конференциях молодых ученых и специалистов, которая состоялася в мае этого года в Тюмени.

Четвертали Н. говорит, самая удачная. Эти ежегодные конференции, воспитывающие из молодого работника деятеля, из дипломнообразного специалиста знающего профессионала, проводятся меншим общими комсомолом вместе со многими организациями. В составе организаторов и инициаторов виднейшие специалисты. В докладах на сессиях концентрируется огромная информация, происходит теоретичекий обмен опытом — инициативы, мысли актуальны. В том числе и по Самолору. В прошлом, ему была посвящена в Нижневартовске районная конференция в Нижневартовске — «Проблема Большого Самолора». На ней шла речь об освоении природных ресурсов, развитии месторождений, добыче, нефтепроводов и поселеки, а геологическом строении и нефтеносности пластов. Технологию проводни наклонно-направленных скважин — всего 16 докладов.

Считается, что на Самолорском месторождении идеальнее эксплуатация эксплуатация скважин. Но Самолор уже дает промышленную нефть — стала сейчас всеобщей ударной комсомольской строении — комплексного освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменской области.

Завед первый гол Самолора. Беспонюный и трудный год. Дороги на Самолор продолжались...

В лежожных прежде болотах остаются нефтепромыслы.

Не поймут господа, лакеи,
Президенты, что песня
растет,
Что ей мало мансарды поза
и канюхи: она такова.
[...Как фонарь прячет луч,
Песню эту
Прячет мальчик — крамольный слова...]

Мимо торжес, что скалят рожетки,
Он идет, беспокойным и злой,—
Целит смерть
В век мальчишеской короткой,
Но он правду приносит с собой...

Ходит ночью,
А с ним полный месяц
Меж прикижких домов и оград:

Ищут песню —
И правду с ней вместе,
Ту, что власти запрятать хотят.

Но растет в ней свободная песня,
И у сорда несет ее он,
Малопонятный поэт из предместья —
Резолюции почтальон...

В пробуждене, печальном и грубом,
К небу черные жерла воздев,
Утром воют голодные трубы,
Словно вторит свободный напев...

Бледный, маленький,
Сколько прошел он!
Часто я вспоминаю его.

По земле он носил груз тяжелый —
Часто больше его самого.

Маленький почтальон

[...Мальчик утром приносит мне письмо...
Лишь закрыю глаза я
И вот...]

...Влину, как самый юный апостол
Тяжкий груз свой по миру несет.

Через ступоку городскую,
Слабый маленький муравей,
Правду в сумке несет он такую,
Что намного его сильней.

Светит парно каштанам аллем
Светом белых свечей...

Он идет.

Растрел

Растрепал свечу месяца ветер...
На губах, на лице снег растаял...
Выстрел... Месяц солдат не осветит,
Что уходит замерзшею стаяй...

Прогреломело... И спряталось эхо...
Иней танцует как паутина...
Дальше, дальше... Ни слова, ни смеха,
Словно голому живой целит в спину...

Ветер полу
Угро асплюмо вороний синий
И, подстреленное, упало...

Стой, весна, это
рвать считается
Из крыла твоего красной павоюй...
И — крамовый полет у птиц...
И — крамовым потоком Нейман...

Ты же, весна, это
рвать считается
Из крыла твоего красной павоюй...
И — крамовый полет у птиц...
И — крамовым потоком Нейман...

Стихотворения Э. Межелайтиса
«Растрел» и «Маленький почтальон» — из цикла «Времена» — о классовой борьбе в буржуазной Литве.

Алексей БАДАЕВ

и сусики, глядя на стадо,
стоит, словно скульпторов Древних
в степи этой вечной ищущее наследство,
забытое мною когда-то.

В янгищей юмле запыленной,
бывало, оно, мое детство, орла наблюдало,
не страх ощущая, но зависть,
и песнями моворонка упивалось,
на то и даны голоса ведь...
Так где же ты, детство!
Куда ты навеки
умчалось, как будто на быстром

хульге!
Как детскую зорность верну я!
Смотрю — и размытыми какуются
краски,
и взор мой, как будто сквозь толщу
повязки,

по чуду пройдется, мнужя.
Я ветер отдаваю, оттенков не чуя,
пелву оставившаю на лету я —
она и не поинит меня.
Друзей покать бы... Но много ли
один мне предал, другой же

далеко —
в преданьях мнужившего дия.
Казалось бы, зрелость придет —
задержалась,
казалось бы, старости нет —
оказалось,
что вот она дышит над утом.
Так что ж получается в самом-то
деле!

Неужто один лишь потерю, потерю
я чувствую теплом и душой!
Нет, есть и половеи преобретения:
и ослы, и ноо-какое уменье,
и друг есть, и враг есть заклятый.
Еще приобрел я осавку мужичины,
а также седины, а также морщинки —
ведь дело-то, видню, и занату.
Вот мнитса машина по новой

дороге —
и ту и другую, как эти вот створни,
я начинал своим руками.
А есть еще песня. А есть еще детки.
Ну нет, мы еще побужем на свете,
покинуя его старикам.

Удивленье

Наш старый автобус,
как старый асматык,
вползая на гору, хрипит.
Сосед мой,
как будто б он на кровати,
на жестком сиденье хрипит.
Эй, друг! Да проснись наконец!
Как же можно
глядеть бесконечные сны,
когда,
стоит руку коснуться в окошко,
и точас консуется весны.

Поток,
что грохочет над дикой вишней,
тебя не разбудит, увы,
но, может, разбудит тебя еле
слышимый
настоячий шепот листьев...
Проснись, черт возьми! Оглядишь!
Ведь как будто
тебе незнакомы места.
Какая в природе — в простых ее

небудничная красота...
В фиуграх березок, очерченных
тонко,
и в скалах, и в горной козе,

и в карих глазенках
смешного лосеня,
и в лилиях, и в стрекозе...
Пора научится тебе удивляюе,
взять восхищения свое
природе, ее золотому уменью,
и небу — созданию ее.
Пора удивиться тому,
что автобус —
сплошное упорство и злость —
пылжит и сонит, а взезет нас, а то бы
самим пылхат нам пришлось.

Пора удивиться, как путь наш
зменится:
то алевю,
то вправо онять.
Пора, наконец, и себе удивиться:
ничем, мол, меня не пронять.
И как это, мол,
умудряюсь забыть я
в слепом равнодушии своем,
что встречю, находки, победы,
открыть

с ушедшим уносите дием.
Проснись, человек!
Ну, очнись на агновене!
Всю жизнь ты проспнись напролет.
Ведь есть тебе что-нибудя и спасет —
одно удивляюе,
твое удивляюе!

Понски детства

Наш маленький домик, нескладный и
старый,
стоит на холме, словно сплунте
и шурится подслеповато.
Куда же могло оно все-так деться —
моя в этом домике жившее детство,
забытое мною когда-то...
Оно ведь у печин в кровати лежало,
кричало, сопело, урчало, дышало,
и все ему странно и ново,
и не было спасу от толстых ручоник,
считавших четыре стены закопченных
границаи мира земного...
...И лотос не нюке и травы поаче,
но иичке мне луг наш не кажется

чащей,
как раньше,
когда до заката
я ползал в траве и дрожал от
соседства
прдуманных чудич.
О, где оно, детство,
забытое мною когда-то!
О, где оно, детство! С розгатою
меткой
на прутике верном и с острою
веткой

Чапаем тетелью и победям.
И знала крапанья: придется ей плохо,
и от полпука до черноположа
башки не сносить мифредам...
В широной степи, где стада вековые
плывут, как плывут облака кучевые,

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Зеленая fuga

Слышишь — кто за ставней прошумел
устало!..

Кто в мое окошко поутру стучится!..
Уж не звезды ли — серебряные птицы!..
Не они ль за зблками ночью прилетали!..

Принес цветок мне, что расцвел с
рассветом.

Если б не расцвел он, птицы не запели...
Слушавсь лишь сердца, без дорог и цели
Я тебя искал, бродя по белу свету.

Выстрадал тебя и знал — ты близко где-то,
Многочисленным любил,
Мной одним воспета.
Обещанная мне...

Вернись и поэту!..

Взрывы майских почек с каждым днем все
тише...
Май гнездо кукушки в сердце вьет... По
кругу

Ночью ходят звезды, сыплются на крышу...
Утро их сдувает, поднимая вьюгу...

Сад играет фугу!..

Принеси цветок, что рос тебе одной.
Как цветник весны обнял мое око,
Обнял мое око...

Моя земля

Снова на берегу... Кепка смота в руке...
Ветной с хрупкими почками трогаю воду...
На плече снег черемух... Туман по реке
Уплывает и темнеющей просине брода.

Медный колокол солнца в воде утолн.
До утра и не выключишь... Легкие звезды,
Выключен золотых, не угодят но дну.
Повторяет их рябь остывающий воздух.

И растет тишина, словно стала живой...
Ночь прохладую кушает земло

влюбленно.
Раскрывается ландшафт, и с листьяв его
Опадают росники с серебряным звоном...

Как серебрется жучок, как вздымают цветы,
Как подпрыгнули росток — шумной роице
начало.

Как таинственно речь листьев и высоты
И, сияя от звезд, как вода прожурчала...

О земля!.. Нет прекрасней тебя и родней...
Еще днешь ты, и песню — во мне она...
Снова на берегу... О тебе в тишине
Звезды шепчутся в золоте Немана...

Перевел с литовского
Валентин ПРОТАЛИН.

Размышления над фото

Как не похожи мы на старом фото —
как будто в камень превратил нас
кто-то:

застывшие, не те — на удивление,
сидим по-детски, руки на колени.
И я — не тот, и даже ты — не та.
В твоих глазах — возможно ли! —
пустота.

Гляжу на позу странную твою
и — хоть убей — тебя не узнаю.

И если я в былое завлечен,
то это — память, фото ни при чем.
Да, просто память извлекла на свет
мой лучшей день из тьмы

прошедших лет...
Наш самолетик мелко била дромь,
как зайца, угодившего под нож.

Пропеллеры ревели,
тебегу
рожда в поле снежную пургу.

И расстояние только в шаг длиной —
как будто пропасть меж тобой и
линой.

В твои глаза раскосые гляжу —
я в них, как на экране, выхожу:
семнадцат лет, ничем не утомлен,
беспомощен, до крайности влюблен,
лишен такой злобы, как страх.

Но кое-что еще в твоих глазах —
растерянность, как будто ждет беда,
как будто я исчезну навсегда.

оставил лишь неясный негатив
и синими как ничем не зарепин.
Бегут секунды. Близится отлет.

И стук сердца — секундомера ход.
Как смертник перед тем, как прахом
стать,

я успеваю жизнь перелкстать,
чтоб задержаться на одном листе.
Не лист, а степь в январской чистоте,
и нарисован детскою рукой
на ней березки сидят нагой.

Беспомощно, Неожиданны ковер.
Беспомощно колдует наш шофер:
то — под капот, то жмет на тормоза.

И мы с тобой молчим — глаза в
глаза.

Да, этот день — он был для нас
двоек.

такие дни короче остальных.
Но почему! Кому на свете прок,
чтоб был конец и у таких дорог!

Так думала ты. По твоим глазам
я это видел. Так я думал сам.
Но сапогом в лордике, как на грех.

И время расколосило, как орех.
И взлет. И где-то там, вилку, правей,
ты машешь вслед мне куколкой
своей.

А после, ночью, дождет, в первый раз
ни секунду не смыкаешь глаз.

Нет, не похожи мы на старом фото,
как будто в камень превратил нас
кто-то:

Застывшие, не те — на удивление,
сидим по-детски, руки на колени.
И я — не тот, и даже ты — не та:
в твоих глазах — в твоих-то! —
пустота.

Неужто это ты! И странно мне.
О, если столько счастья в кратком
дне —

возможно ль повторить его опять,
и, как тогда, внезапно умять
в глазах твоих себя — семнадцат
лет,

влюблен безумно, счастлива, храбр,
как лев...

Возможно ли!..

Перевел с бурятского
Юрия РЯШЕНЦЕВ.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД НЮРНБЕРГОМ

МАРИТ
ЗАСТЕПНУЛА ПАЛЬТО,
ПОТЯНУЛАСА ЗА ПЕРЧАТКАМИ.
ОН ВОШЕЛ ПОЧТИ НЕСЛЫШИМ —
ОСУНУШИИСА, ПОХУДЕВИСИ,
С ТЕМНЫМ, НАПРЯЖЕННЫМ
ЛИЦОМ.

— БРУМЕРУС МЕРТВ.
ЭТИ ДВА СЛОВА ОН ВЫДОХНУЛ,
ОСТАВАЯСЯ НЕПОДВИЖНЫМ.
И ОНА НЕ СРАЗУ ПОНЯЛА,
О ЧЕМ ЭТО ОН.

А КОГДА
СМЫСЛ СКАЗАННОГО ОБЖЕГ ЕЕ,
ОНА ВСКРИНУЛА.

— БРУМЕРУС МЕРТВ.—
ПОВТОРИ ОН
И ПЛОТНО ПРОВЕЛ ЛАДОНЬЮ
ПО ЛИЦУ.

— ЧТО? —
КРОВЬ БРОСИЛАСА ЕЯ В ГОЛОВУ.—
ЧТО ТЫ СКАЗАЛА!

— ДА, ДА, —
ОТВЕТИЛ ОН.—
БРУМЕРУС МЕРТВ.
Я УБИЛ ЕГО.

ЭТО ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ ВЕРНЕРА ШТАМНБЕРГА (ГДР) «ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД НЮРНБЕРГОМ», КОТОРЫЙ «СМЕНА» НАЧИНАЕТ ПУБЛИКОВАТЬ СО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА.

ШАГИ К

ЛУНЕ

Десять лет продолжался штурм Луны. Да, именно штурм, — другим словами трудно назвать то напряжение и стремительность, с которыми действовали ученые и космонавты. Едва вырвавшись за пределы земного тяготения, люди принялись бомбардировать аппаратами ближайшее небесное тело. Десять лет назад, в 1959 году, «Луна-2» бросила к подножию

1957 год.
Первый искусственный спутник Земли возлетел на орбиту в истории человечества.

1961 год.

Юрий Гагарин сделал первый шаг в космос.

кратеров Арестилл, Архимед и Автолик вымпелы с Советским гербом. Десять лет — крохотный отрезок истории. Но человечество шло к нему долго и мучительно. Первую серьезную попытку определить расстояние до нашего естественного спутника предпринял в третьем веке до нашей эры греческий астроном Аристарх Самосский.

Сто лет спустя его соотечественник Гилпарх из Никеи назвал цифру: 384 000 километров. Он ошибся лишь на 395 километров! Если бы только греки могли представить себе, сколь тернист и труден будет путь их последователей! Одним из первых решающий шаг на этом пути сделал поляк Николай Коперник. Это он разрушил миф о том, что Земля — центр мироздания.

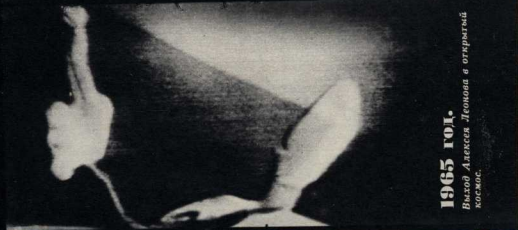
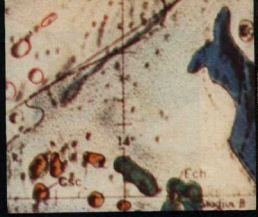
Это он сказал, что и Земля вращается вокруг Солнца. От Коперника по выражению ведет свое начало освобождение от теологии. Благодарное назвало его одним из крупнейших на Луне, кто в центре

ругие планеты
Солнца.

гильса,
численне
естествознания
деркви,
вечество
нем
них кратеров
вы видите

Да, на этом пути стояли не только научные и технические трудности надо было преодолеть еще и невежество. Во времена Коперника люди, посягнувшие на тайны природы, сгорали не в кабинах космических кораблей. Зачастую они кончали свои дни на кострах инквизиции.

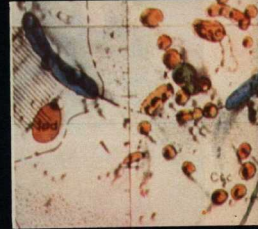

1965 год.

Возврат Алехсея Леонова в открытый космос.

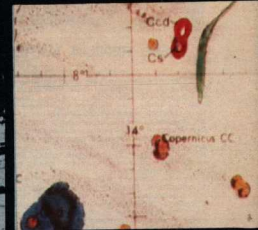

Надо было обладать огромным мужеством и уверенностью. В наш космический век они умножились на смелость мысли, на упорное стремление покорить природу, подчинить ее себе. Сегодня нам даже трудно представить, к чему приведет освоение Луны, а затем и других планет.

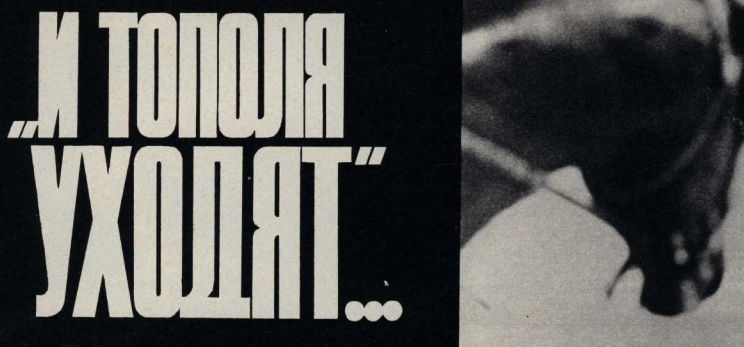
1969 год.

Первые шаги человека по Луне. Этот человек стал Нил Армстронг.

Пока мы одно твердо почувствовали, еще раз ощутили в тот момент, когда нога жителя Земли ступила на поверхность Луны, уважение к себе, к роду человеческому, как это было несколько лет назад во время первого полета Юрия Гагарина.

Валерия КУЙБИШЕВА
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

Прямой, высинки, он идет навстречу походяю бойца и рас-
плывитов не могут погасить силы испр отчаянного романтика
в его глазах и проделанных, блондине на мужественном
лице. О нем заговорили впервые в 1936 году, когда он, nomi-
ком сборной, занял четвертое место в иномном троеборье на
XV Олимпийских играх. С тех пор Лев Павлович Баклышкин
был капитаном советского троеборья, был старшим, опорой,
основом.

Тема моего сочинения не нова. Человек, прославившийся
в спорте, покидает его. Обыкновенная история. Но последние,
разве Баклышкин уходит? Баклышкин идет навстречу.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. МАНЕЖНАЯ.

Утреннее солнце уже нестерпимо и здесь, возле
ионошии, на асфальтовой площадке, где лошадки
в последний раз перед стартом бинтуют ноги, и
там, на поле, где белеют судейские бунды и очер-
ченный строгий приуголовный манеж. Надо собраться,
поднять в себе волнующую предвкушение борь-
бу. Надо, чтобы оно не клонилось к тебе, потому
что малейшее неровное движение передается лошади
и может сломать езду, а ее нужно исполнить
равно, четко — это первый день, это начало. На-
чалось большого троеборья — дела, перед которым
он преклонится.

Что он может? Навестя, все. Потому что он —
Баклышкин. Говорят, Баклышкин самослюбив и даже
тыщелав. Да, он знает себе цену и, улавная
в себе и других это чувство, понимает, что без
него не став бы в спорте тем, кем стал. Но
себя любит он в троеборье, а свой вид, один из
самых тяжелых в иномном спорте. Он болезненно,
а порой заносчиво, относится к тому, что говорит
о нем, монинке, и о сделанном им — о результате.
Хотя сам результат интересует его куда меньше,
чем процесс борьбы. Да и медаль радует только
после финиша, потом она — металлический кру-
жок, не больше.

Человек, азартный в любой игре — от «двуназа-
до футбол», до смешного никому не уступающий
перенатства, ездит он, однако, не для того, чтобы
выиграть, чтобы доказать кому-то или себе, спеш-
сину. Просто настоящей жизни для него — борьба,
назой бы трудной она бы была. Просто он ждет
в этой борьбе полной отдачей всех сил. Просто он
из тех, кто не может унизиться в тихом, телличном
мире, кому нужны трудности, чтобы не утонуть в
обыденном могучий характер.

Тогда за манежем, поле, сухое, по которому
потому столько раз малакшиной, в кирзовых, по
ногам, сапожникам смачал на колхозных лоша-
дках, воял их в ночное, воображая себя при лу-

не то Чапаевым, то Иотовским, то отчаянным буден-
новским разведчиком. Тогда он же думал, что че-
рез много лет на этом самом поле придется ездить
ему самому манежному, и ночь у него будет из
бог и выправка кавалергарда. Время тогда было
военное, он мечтал совершить подвиг, верил, что
совершит. Потом наступил мир, но иезелная вера
в себя осталась, и осталось стремление и отвага.
Таким он и пришел в спорт.

Баклышкин начал в «Спартак», на своей ро-
дине Платерной. В 1931 году, уже первоазартни-
ком, пришел служить в Краснознаменную высшую
общезскую школу иезели С. М. Буденного и с тех
пор не снимает армейскую форму.

Выбирать пришлось сразу. Конику (преодоление
препятствий) показались завсложнейшим и интере-
снейшим из движений, их скорости. Людей, зани-
мающихся выездкой, он искренне жалел, но по-
нимаю, как это можно «топаться на месте». Он
любил быстро езду, бешеную скачку, чтобы от
ветра и пылящего хвоста скорости захватывало
дыхание. Троеборье, где есть полевые испытания,
где есть рис и можно испытать себя, где труд-
но, — это для него.

Троеборье размыргивается в три дня. Всадник
должен продемонстрировать выездку лошади в ма-
нере, установленном прямо на грунте, на следую-
ющий день проехать полевые испытания, главное за-
нело в которых — кросс, и третий день — преодолеть
препятствия по заданному маршруту.

Манежная езда определяет умение всадника под-
чинить себе лошадь — заставить ее проехать око-
ло 20 двенадцати четко, грамотно, без каких-либо
замечных усилий. Троеборная езда — это несомно
полю только внешней дисциплины, но и внутренней
уравновешенности, полного спокойствия, и хотя
матери не в характере человека несобойного, эмо-
ционального, порывистого, езда Баклышкини все-
гда в первой тройке. Он умеет, целеном подчиня
себя одной задаче, добиваться ее раньше со зло-
стью, с фанатичным упорством и военной дис-
циплиной.

Когда лошадь понюхает тебе абсолютно, ты
получаешь высшие баллы, а это в переводе на
второй день — отыгранные секунды и минуты. Но
главное решается завтра. Завтра — кросс.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. КРОСС.

— Лев едет!

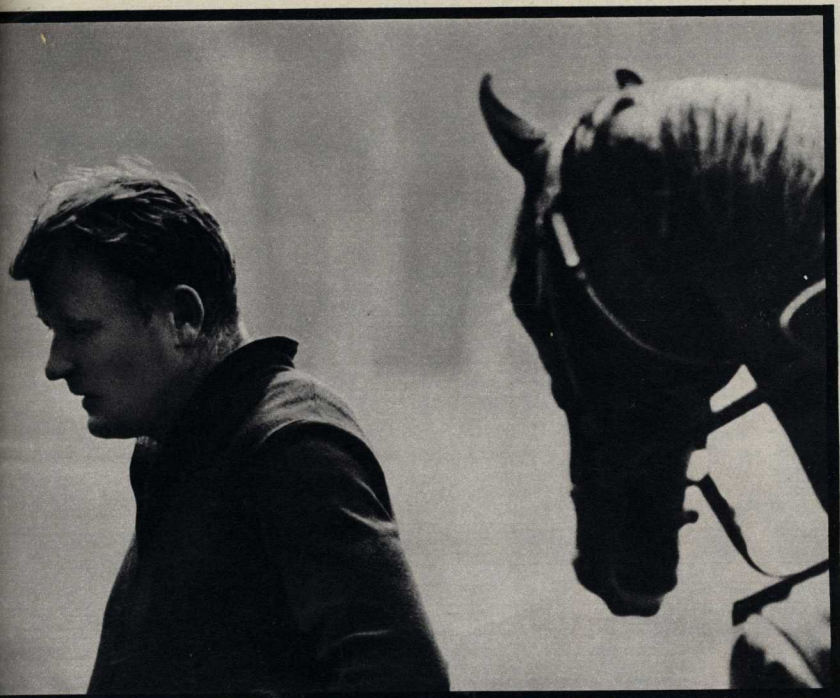
На бугре у речки толпится народ. Люди взбе-
гают на кюсгор, вытягивают шеи, толкаются. Ша-
стнадшое препятствие — прыжок в воду через
опрокинутую вверх дыню лодку. Судья окрикнул,
отчаянным голосом кричит на любительных: «То-
варщица, последний раз прошу, отойдите в сто-
рону!»

Потом топот. Баклышкин. Но движется вовсе не
всадник, не конь под ним, а две силы, слытые в
одну, две воли, сопряженные в одну. Мельзает
зеленая армейская рубашка, белый нагрудный но-
мер, сосредоточенные глаза, сматый в тонкую чер-
ту рот. Потом ноль отпавивается от земли, на-
какое-то мгновение полет, толпа замарает — полет
невозможный, стремительный, будто размалась
стальная пружина, свистал из человеческих му-
стаклов и мускулов лошади. И тогда снова конь
брызг вырывается фигура всадника, обитая
нонской гривой, толпа облегченно вздыхает —
чисто.

Какой-то парень в выцветших, зматанных вы-
ше ленах тренировочных штанах бежит по воде:

«Меня, прибавь, десять минут езды!»

А он прямо без оглядки, через кусты, так, что
спрашивает в воду переубагивающие ротоны.
Тамое бывает два раза в год — кросс. Звание
манежные галопы, прыжки, принципы резвые и
легкие — все потом выливается в кросс. Целый
год троеборец готовится к этому дню, и тому, что-
бы в голове его ясно и четко прозвучало — кросс.
В этот день он, может быть, будет сильнейшим.

а момент помчит по траве белая санитарная машина. Но кто об этом думает, когда вперед кросс?

Полевые испытания — это двадцать три километра дорог, до и после трехкилометрового стипль-чеза (скачки с препятствиями) и кросс в восемь с половиной километров по пересеченной местности с препятствиями, установленными «намертво». Трасса закрыта, и только за день до старта спортсмены проходят по ней пешими.

Камни же должен быть человек, считающий за счастье преодолеть все это? А Бахлышкин выходит на старт и во время стипль-чеза на бешеном галопе льетным от счастья голосом поет. Все, кто слышал, удивляются: ведь вперед кросс.

А он таной, он ничего не умеет делать и чувствовать наполювину. Если уж радость, то огромная, безудержная — весь мир конругу улыбается. Если горе — до иступления. Помню август 1962 года, первенство СССР, кросс. На последних метрах дистанции его коны ломает ногу. И он, этот человек, с восьмью лет запертый себе слезы, плачет, упиная в ладони потемневшее от горя лицо.

Странный человек — ему чужда низкая степенная, уравновешенная, и, по-мальчишески считая риск героизмом, он может на полном ходу прицелиться к бортину грузовика, прыгнуть в воду с высокого и крутого, пугающего всех обрыва, на спор в одиночку построить деревянный дом. Он садится на самую непокорную лошадь и, подчиняя ее себе, синет, в который раз убедившись, что может все, стоит только захотеть. Вот и счастье у него таное — несломное. Каной-то час, мнг, вздох в борьбе.

Он прыг, иногда даже резон. Но нет таного человека в команде, который не мог бы полизониться на него в трудную минуту. В сужденных категоричный, никогда не идущий на компромисс, он кинет во принципам, установленным им самим, и свое решение менет редко. Он тренируется азартно и педантично, считая, что дело надо делать со всей душой, а если наполювину, то луч-

Бахлышкин-старший и Бахлышкин-младший... Разве уходит из спорта знаменитый конник, если в поведу у сына все тот же конь...

Лесная прогулка. Она обязательна в режиме спортсмена-конника.

Главное звено ползевых исагтангий — кросс.

Устают люди... устают кони...

ше не делать вообще. За восемнадцать лет он ни разу не опоздал на тренировку.

Вальшники не любят людей равнодушных, бесхарактерных. Не любят и таких, у которых слово шатко, а дело может обернуться и так и эдак. «На кроссе, где властвует закон команды, а победа не выбирает путей полечка, человек должен быть в полном смысле этого слова настоящим», — говорит он. Он считает, что требовать от него «любит мелких людей»: все, что в человеке фальшиво, всплывает на кроссе. Кроссом для него является человек.

Сам он ездит кроссы нечасто, с наслаждением, у конников есть такие выражения: «отлепить кросс», «отлепить стипль-чез». Это когда в хорошем темпе, красиво, собранно, Вальшниками летит своим тридцатикилометровую трассу, словно произведение искусства, забывая о балахе, о соперниках. Это и есть счастье. И даже если он проигрывает, все равно счастье было, потому что была борьба, было трудное.

Говорит, Вальшники ездят так, как надо. Это вот что такое. Он держит лошадей в упоре, а по поводу короткого, но чуткого, «говорщика». Лошадь чувствует любое движение ладони всадника, а он — малейшее движение ее рта. И только перед самыми препятствиями он отдает повод, предварительно все рассчитав и погнав коня вперед. На кроссе очень важно не потерять контроль над собой, а следовательно, и над действиями лошади. Тогда, как у него, уверенного, стабильного, где отдал, где придержал? — обычно спрашивают тренеры у своих учеников.

А ему, Вальшнику, столько раз хотелось бросить повод, лететь вперед через все препятствия и не думать, потому что всегда ехать за командой, всегда последним — за ЦСКА, за сборную Москвы, за сборную Советского Союза. И если кому-то можно было ехать по-другому, то ему только так — с расчетом, исправляя ошибки товарищей.

Давным — в 1962 и 1965 годах, — когда он был полон сил и мог выиграть, ему надо было ехать именно так. А наша команда становилась первой в Европе. Оказавшись во время Большого Парубничего стипль-чеза в Мехословении у него лопнули пугальщи моторами держал стремени, и он ехал без стремени — до ионца, потому что, как всегда, — за команду. На финише, с историей в кармане, ногам, он подавали своих ребят с победой.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. КОНКУР.

Третий день начинается ночью, потому что Утром ветеринарная комиссия проверяет конский состав. Ни одна подопущившая травму, даже чуть прихрамывающая лошадь не примет участия в соревнованиях. И ночью в денниках идет Азовая работа: здесь восстанавливают лошадей.

Сильно ночью он провел вот так, рядом с молоденькимиazole его Баласа, Гиньасты или Рулона чуткими пальцами, массирующими грубоватыми, но дурными пальцами хрупкие, со всплукшими жемчужными конские ногти для полноты: плавать с мягкой холодной глиной для компресса или теплые пугальщи флюиды для полноты: плавать с теплой теплой водой по конюшне, не мелкая смотрит, как вводит в конские жили конники толстыми конскими ногими, кони от боли припадают уши; он не расправлял никого, пожимает ли завтра леченье, и только потом, прислонившись лбом к молчаливым пугальщи денника, тревожно смотрел на коня и так заснул, стоя.

А утром, спрыгнувшись, насунувшись, прикусив губу, сидел возле паломца, рывал на каждом, кто походил с неосторожным словом, и с силой стал упругий хлыст. Ввечра — изнуриющий кросс, собораться, стать хоть на несколько минут предельно расчетливым и болезненно зануртым. Он — первый номер команды. Одна небрежность — и два прошедших дня пойдут прахом.

Он не любит конкур за малость заданного, за то, что его нужно проехать на «полууходе» или «полууходе», как говорит конники, чтобы не утерять ритм и счет прыжка, за необходимость коня «перехитрить» и даже за то, что поле там совсем «питаче» — негде развентуриться, а валавины организаторы — словно ничемные услонности. Он будто не признает этих правил и прыгает по-своему, по-профессиональному, широко и размашисто. Но почти всегда есть повалы. И, говоря его словами, это все-таки самый несчастный день.

Из всех его несчастий самое большое — когда нет лошади. Вернее, лошадь есть, да и он может ехать на любой. Просто нужен конь по душе, чтобы был контакт, полное признание. Нимм кажется, что конник должен любить все лошадей, но это не так. Вальшники любят коней смелых, танк, которые даже через силу прыгнут, вывазут. И презирают трусливых, денных, недативых. А когда любимой конь не в порядке, это почти трагедия.

В 1966 году его Рулон был не в порядке: хромал, жаловался на обе передние ноги. Конники жаловались лошади не могли, просто ты говоришь (и чувствуют) конники. На конкурсе Рулон отказался прыгать. И притившая трибуны услышали удивительный, горестный возглас всадника: «Ты что!» Тогда заговорили. Все, мол, исно. Пова. Да и возраст.

Люди необыкновенные, талантливые: уходят из спорта, словно тополя в стихах Гарина Лорки:

И тополя уходят,
По след их озорный светел.
И тополя уходят,
Но нам остается ветер...

Вальшники уходят? Вальшники уходят. И хотя он уже приехал себе. «Стоп, хватить!» — и надел трениерские брдни, где-то далеко в себе все еще верит, что для него будет конь, именно для него.

Вера ДОРФЕЕВА

РОЖДЕНИЕ ФЕРОНА

Два тысячи человек гибнут на земле за четверть часа. Старость, несчастные случаи, жертвы преступлений, войны. Но значительное число смертей все еще остается на долю болезней. Каждый день, каждый час ученые неугомонно воздвигают преграды на пути этого мглистого чудовища, которое мы именуем болезнью, и все же его щупальца часто достигают цели. Две тысячи старых, старых и молодых, каждые четверть часа...

И все же мы вправе сказать, что медицина переживает время захватывающих дух открытий. В последние годы мир был потрясен уникальными работами персидского ученого и мозга, проникновением в тайны клетки человеческого организма, успехами психофармакологии.

Открытие антибиотиков продолжает оставаться одним из величайших достижений медицины. Но, добившись успеха в устранении таких серьезных заболеваний, как туберкулез и пневмония, медицина терпит поражение — в битве со многими заболеваниями вирусного происхождения.

История открытия вируса, пожалуй, более характерна для точных наук, чем для медицины. Это был тот случай, когда ученые шли от гипотезы к факту. Вирусологию удалось не только предсказать существование вирусов, но и найти средства борьбы с некоторыми из них.

Увидели же вирус недавно, только когда был создан электронный микроскоп. Благодаря сверхвысокому увеличению и такому оборудованию для выделения вирусов, как высокоскоростные центрифуги, ученые смогли опознать, сфотографировать и измерить вирус. Он в тысячу раз меньше бактерии. Обычно его структура — нуклеиновая кислота, окруженная защитной белковой оболочкой. Вирус проникает в живую клетку и начинает выделять там свою нуклеиновую кислоту. Вторгаясь в нуклеиновую кислоту вируса овладевает механизмом развития клетки, заставляет ее работать на себя. Клетка начинает вырабатывать вирусные компоненты вместо веществ, необходимых для ее собственного существования. Принцип, находясь в клетке, вирус уже не является вирусом, как раньше он представлял собой часть генетического материала клетки и, следовательно, воспроизводит новые частицы, передает им искаженную наследственную информацию. Произведя сотни или тысячи вирусных частиц, клетка умирает. Разросшийся отряд вирусов начинает наступление на другие клетки. Так в общих словах можно описать механизм вирусного заболевания — и обычной простуды и, возможно, рака.

Как же остановить грозное шествие вируса, если плацдарм войны — ним сгустился до клетки?

История борьбы с вирусом уходит в глубь времен. Многие поколения ученых в лабораториях всего мира производили бесчисленные опыты с самыми разными вирусами. В нашей стране исследователи также упорно работали в этой области науки.

Часто ли мы сталкиваемся в жизни с живым героем известной книги? Иногда, перевернув последнюю страницу, мы задаем себе вопрос, было ли все это в действительности. Возможно, такой вопрос задавали себе читатели В. Каверина, расставаясь с его романом «Открытая книга».

Москвичи и немосквичи хорошо знают площадку Восстания. На правом фланге от последнего здания стоит дом старинной архитектуры, вражда с москвичами небрежностью своей величественности призрачности и массивности колоннами. Здесь, в Центральном институте усовершенствования врачей, кафедрой микробиологии и лабораторией антибиотиков руководит академик Зинаида Сисрионовна Ермольева. Не многие знают, что прототипом героини романа Каверина — докторе Татьяны Власенковой — стала З. В. Ермольева.

Еще до войны в лаборатории Ермолевой были получены бактериофаги — холерный и дизентерийный, а в разгар войны — полиомиелитный, который принес несомненно славу лаборатории и ее руководительнице. Параллельно с этим здесь с самого начала занимались поисками веществ, которые могли бы воздействовать на реальные вирусы.

В 1934 году в лаборатории Ермолевой получили лизоцим — вещество, широко распро-

странено в животных и растительных тканях. Удалось доказать, что лизоцим подавляет рост многих микробов. А самое главное — он оказался действенным против некоторых вирусов, так же, как и энзимов, выделенных в 1952 году. Но все это были частичные успехи, а на широком фронте враг еще продолжал наступать.

Открытые военные действия против вируса, в лаборатории сначала шли тем же путем, что и при создании антибиотиков. Был найден химический препарат, способный убивать вирус. Его испытывали на мышах, зараженных вирусом гриппа, который вызывает пневмонию. Но дальнейшее продвижение не имело положительных, извлеченные из пневмонии, умирали. Препарат убивал не только вирус, но и животное.

Сотни опытов... Были опробованы различные дозы препарата, подобраны наиболее жизнеспособные объекты, созданы различные условия при проведении опытов. Но и двадцатый, и сотый, и триста сорок второй опыт дали один и тот же результат: мышь изнемогла от вирусного заболевания и... умирала от токсикоза.

Ермольева вспоминает, что они были в то время в положении белки, стремительно несущейся по колесу и ускоряющей его вращение. Прозрачная удача пробуждала надежду. Следующее время — разочарование, разжимание челюстей, желание заставить препарат «работать». Замкнутый круг! Выход был один — изменить стратегию.

В то же время ученые становилось ясно, что развитие медицинской науки должно идти в ином направлении, чем прежде, а главное — на другом уровне. Стремительный прогресс во всех областях науки второй половины XX столетия дал толчок к образованию разномасштабных заболеваний на уровне молекулярного механизма клетки, где многие болезни проявляются задолго до того, как обнаруживаются их явные симптомы. Распознавание и предупреждение болезней становится сейчас главным направлением медицины.

И в борьбе с вирусом представлялся единственно верным путем: предупредить наступление вируса, не дать ему размножиться и захватывать соседние клетки, блокировать его на ранней стадии болезни.

В 1957 году в медицинской печати появилось сообщение об открытии английскими исследователями Айзекса и Линденманом. Они обнаружили, что клетка живого организма в ответ на заражение инaktivированным (ослабленным) вирусом вырабатывает вещество, способное противостоять активному вирусу. Его назвали интерфероном.

В Советском Союзе над первым интерфероном под руководством Ермолевой работали Н. М. Фурер, Т. И. Балезина, Л. Л. Фадеева и Б. М. Немирюкская.

Во время исследований выяснилось, что многие вирусы в разных клетках дают образование интерферона, но ученые искали такую систему вирус — клетка, которая бы давала наибольшее количество активного интерферона. Оптимальными исходным материалом явились лейкоциты донорской крови. При заражении лейкоцитов живым вирусом и получают сейчас интерферон.

Над проблемой интерферона работали и работают ученые разных стран. Но советские ученые первыми начали клинические испытания интерферона при заболеваниях, вызванных разными вирусами.

Одним из первых оплоивонозов нового препарата была лицевая кожная болезнь. Интерферон применяли при лечении некоторых заболеваний вирусного происхождения. Например, при мучительном насморке, известном под названием «копьяющийся лишаи». Улучшение наблюдалось с первых же дней, а полное выздоровление наступало в несколько раз быстрее и вернее, чем при других методах лечения.

До самого последнего времени очень трудно подавляло лечение глазные вирусные инфекции. Вообще если быть справедливой, то раскисла об интерфероне мы следовательно начать именно с этой страницы, — ведь автору

Интерферон — новый препарат, полученный в нашей стране действительным членом Академии медицинских наук СССР З. В. Ермолевой и группой советских ученых, дает обнадеживающие результаты в борьбе со злейшим врагом человека — вирусными заболеваниями. Интерферон ставит преграду на пути проникновения вирусов в организм человека. Однако его возможности еще полностью не раскрыты. Ученые продолжают исследование.

этих строк довелось на себе испытать действие интерферона. Диагноз был суворовым — вирусный конъюнктивит; вирус поражает вирусное зрение падает, а болезнь затянется на месяцы. Из всех ощущений, которые мне довелось в те дни испытать, самыми жуткими было, пожалуй, одно: когда я снимала большие темные очки, — искаженные ужасом лица близких. Я уже не говорю о том, что зрение глаза, пораженного вирусом, упало до —7. А я меня всегда было стопроцентное зрение. Так продолжалось при лечении. Наконец применили два раза в день круто изменили ход событий. Конечно, при всех моих эмоциях, которые я испытывал по этому поводу, следует прежде всего подчеркнуть, что в моем случае препарат был применен впервые, на ранней стадии болезни, когда не все клетки поражены и вирус еще можно было блокировать. Процесс остановили, пораженные клетки восстановились сами собой; вернулось нормальное зрение, и можно было забросить большие темные очки, с которыми были связаны такие мрачные воспоминания...

Когда речь идет, скажем, о кожном или глазном вирусном заболевании, то имеется в виду локальное поражение на определенном участке, где процесс развивается неминуемо, но не так уж быстро. Когда же мы сталкиваемся с вирусом гриппа, то самое страшное, что он порождает в организме через дыхательные пути, распространяется в нем если не мгновенно, то буквально в течение нескольких часов. И так же быстро переходит от одного человека к другому. В этом одна из основных трудностей борьбы с ним.

Работники здравоохранения официально классифицируют грипп как «нетяжелую болезнь», но миллионы людей на земле не могут с этим согласиться.

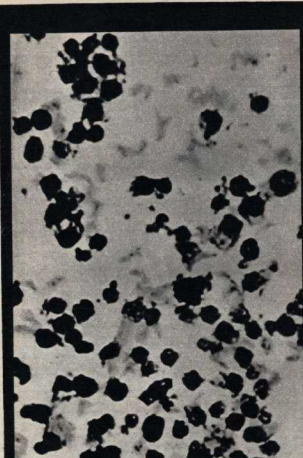
За период с 1910 по 1930 годы отмечено не менее тридцати крупных эпидемий гриппа. Одна только эпидемия 1918—1919 годов унесла до крайней мере 20 миллионов жизней. Кроме того, грипп опасен своими, порой неожиданными, осложнениями. Сердце может человека быть поражено вследствие этой «незначительной» болезни. Самыми тяжелыми осложнениями чревата, например, вирусное воспаление легких. С другой стороны, вирус гриппа подобен амфибиотическому протозоу, киторуному морскому божеству, способному принимать любой облик и приспосабливаться к существующим обстоятельствам. Вирус гриппа 1967 года не тот, что был десять лет назад, а этот последний не схож со знаменитой испанской начала века. Вакцина, созданная при одной из вспышек гриппа, окажется бездейственной при следующей эпидемии, при встрече с новой разновидностью вируса. Врачи пытаются облегчить состояние больного, снимают отдельные явления (головные боли, насморк), лечат последствия, осложнения, но не в силах сделать единственное — ликвидировать причину болезни — остановить, блокировать вирус.

В этих условиях советские врачи приступили к клиническим испытаниям во время вспышки гриппа зимой 1967 года. Здесь интерферон был применен в первую очередь как профилактическое средство. И это, несомненно, самый рациональный способ при борьбе с вирусом гриппа. Защитить носоглотку интерфероном и вирус не проникает в организм. Он будет задержан и в случае соприкосновения с больным. Таким образом — и, по-видимому, только таким — можно бороться с эпидемией гриппа.

Зимой 1967 года во время испытаний под наблюдением врачей и сотрудников лаборатории было около трех тысяч человек. Среди людей, получивших препарат, заболело незначительное число: из ста человек — три.

Особенно важна оценка от интерферона и его последствий детей, у которых еще нет прочно приобретенного иммунитета. Они наиболее восприимчивы к гриппу, вне зависимости от общего состояния здоровья. В самом начале эпидемии гриппа в 1967 году интерферон ввели группе детей. Заболеваемость снизилась в 7 раз по сравнению с контрольной группой, не получившей интерферон.

В июле 1968 года возникла эпидемия «гонконгского» гриппа, которая стала тяжелее

На верхней фотографии — клетки, разорванные вирусом. Клетки, которые оцены на нижней фотографии, тоже заражены вирусом, но предварительная обработка интерфероном. Вирус оказался бессильным.

бедствием для всего мира. Виновик этой последней вспышки гриппа — вирус новой разновидности, получивший название «А-Гонконг-68». Науке известны три типа вирусов гриппа А, В и С. Вирус А, в свою очередь, имеет подтипы А₁, А₂, А₃. Эти варианты вируса А и были причиной самых крупных эпидемий в течение последних 35 лет. Вирус «Гонконг» заметно отличается от ранее известных представителей подтипа А₂. Он поражал почти только взрослых, женщин и детей и быстро распространялся по планете именно потому, что это была новая разновидность, против которой у населения не было иммунитета.

Эпидемия достигала до нас в январе 1969 года и совпала с полетом космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5». Накануне полета экипажам кораблей для профилактики был введен интерферон. Как известно, наши космонавты чувствовали себя отлично.

Во время эпидемии основная часть приготовленного в лабораторных условиях лейкоцитарного интерферона была передана в детские лечебные учреждения, а также в детски садик.

Результаты последних испытаний еще собираются и обрабатываются, и нельзя назвать точные цифры, но предварительные данные подтверждают высокую эффективность препарата.

Интерферон — это не просто и не только новое, мощное, сильнейшее действующее лекарство. Перед нами новое научное явление — природное вещество, производимое самим организмом для борьбы с вирусом. Дезоксирибонуклеиновая (ДНК) или рибонуклеиновая кислота (РНК) инaktivированного вируса, введенного в организм, заставляет клетку вырабатывать этот блок интерферон, который затем развивается потоком крови по другим клеткам, создавая им защиту.

Организму требуется большое количество интерферона, и поэтому введение природного интерферона в виде лекарства не всегда возможно. Но сейчас ученые доказали, что введение природной или синтетической РНК стимулирует образование интерферона самим организмом.

В лаборатории З. В. Ермоловой сейчас параллельно с интерфероном работают над созданием так называемых стимуляторов интерферона в организме. Сейчас недавно получен новый препарат этого типа — продигозин.

Мы еще до конца не знаем все возможности человеческого организма. И, может быть, достаточно незначительного толчка извне, чтобы вызвать к активной деятельности неизведанные резервы. Многие исследователи считают такую форму борьбы с вирусом в будущем самой перспективной. На этом принципе построены сейчас опыты с мышами, зараженными вирусом лейкемии. В ответ на введение этого вируса лейкоциты крови животных должны ответить образованием интерферона, разумеется, с помощью определенных стимуляторов.

В последние годы проблема интерферона привлекает внимание многих ученых. Известно, что в эксперименте интерферон задерживает рост некоторых опухолей, искусственно вызванных вирусами.

Разумеется, от этих экспериментов к реальному массовому лечению предстоит долгий, многолетний путь.

Интерес к предполагаемым возможностям интерферона далеко выходит за рамки вирусологических исследований. Он, например, оказался эффективным против возбудителей трахомы и токсоплазмоза.

Работа над интерфероном не закончена. Нужно еще работать, чтобы получить препарат высокой степени очистки, более сильной концентрации и достаточно стабильный. Особенно важно продолжать поиски более эффективных стимуляторов для образования интерферона непосредственно в организме человека.

Когда я думаю об интерфероне, я вспоминаю эпидемия, который предшествовал — «лету де Крои» — борьба со смертью. «Знаете ли вы, что такое незначительная болезнь? Это болезнь, о которой врачи ничего не знают. Сама болезнь не возражает против того, чтобы быть незлеченной».

Ответит ли интерферон когда-нибудь на эти слова?

Ариадна ГРОМОВА
Рядина НУДЕЛБАН

Фантастический детектив

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Борис-72 оценил ситуацию по достоинству. Он прямо со смеху поклатился, глядя на Ариадну: — Нет, надо мне! — восторженно стоял он. — Величица Ариадна! Славу у него уводит прямо из стюда! Дорогой ты наш первооткрыватель, первопроходец! Как переписать ты этот удар? Ариадна весь побоялся, но сдержался и загасил откровенно спойлоно, только глядел куда-то в сторону.

— Интересно, как ты бы себя чувствовал на моем месте? Рвет, как налитый. Свещно ему! Вы что же, искресь думаете, что я за приморител переживаю?

Мы искресь это думали, но дипломатично промолчали.

— Ну, просто я облада, элементарно облада, нуемли непонятно! — сказал Ариадна, правильно оценя наше молчанье. — Ну, не поверил я сразу, виноват. Да и теперь еще не вполне... Вот обласини мне, Борна, тогда я окончательно переро...

Суть моего открытия была так проста — во всем случае, аи хронофизиком — что искресь я ее в два счета. Для ясности набросал чертены — все тем же прутном, уже зардио обласинивал.

Когда я кончил, оба они менторсе времи молчали.

— Ну, Борна! — выдохнула вдруг Борна. — Я, знаешь, я уже вижу, как меня девушка на улице спрашивают: «Скажите, вы не тот Струновский, который...» — а я им скромно так отвечаю: «Да, знаете ли, это я самый...»

— Да брось ты со своими девичими! — зардал Ариадна. — Ты понимаешь, что Борна сделал! Нет, слыши, ты понимаешь! А то сам он вроде ни черта не понимает. Предел элементарно-гениальные открытия и сидит помалкивает! Нет, ты посмотри, как у него все просто и надумано! И, небось, по голоду страдает. А Борна? Вот! А у меня трамонта! И вообще у меня все в лоб делалось, примитивно-примитивно...

Когда Ариадна чем-нибудь восклицала, он тоже не знал границ. А там, где речь шла о хронофизике, он умел восхищаться.

— Да чего там скрививать! — не унимал он. — Вы сами посмотрите: поле я брал однородное, как всякий индиз мы брали. А весь мой индиз исчерпывался элементарными упражнениями в области математической физики...

Ариадна теропило набрасывая прутном формулы и схемы. Конечно, жму у него не было. Физик, он нове-то и не успел доработать, но в принципе это выглядело великолепно — смелое, остроумное математическое решение сложеннейшей проблемы.

— Ну, что это, как людям везет! Всекие открыты на их мировую линию совпадают, один из несчастий... — малобно заныл Борис-72. — Бывает у меня линия заложустан! Ни тебе происшествий, ни тебе открытий... и не исчезает ничто...

— Будет вам и белка, будет и синистон! — заявил Ариадна. — Газ мы здесь, ты за своим индизом возмеще не беспокоиться! — не тание еще дела завершил Борна! — Он слышь, ашелся в меня, ну, ты заляри ты свои градиенты работу, а я больше что? Там и рванул сразу в двадцать миль! Где ж ты там лазишь, что мы тебя не сидели!

Я начал рассказывать, а попутно уточняя у Ариадны, что мне происходило на 1970. Да в общем-то я сам уже понимал почти все. Разговаривая два последние два Ариадна — этот и стюающийся. И насчет стичичного норооба я правильно догадался.

— Пустой норооб был, — сказал Ариадна. — Плохо то, что я его где-то так, на той линии, выронил, выдет его какой-нибудь дотюащий творец, увидит дату...

— Да ну, станет кто разглядывать дату на стюающимся морские возмозра, Борна? Я им все рассказал, как было. Объяснил Борис-72, что никакой даты не было! Ника и Лемуса видели меня в институте оноло одиннадцати часов, а вернувшись в прошлое, исшел из института не позме восьми, да еще и таблетки придала...

— Таблетки прихватил... — пробормотал Борис-72. — Погоди! Я правильно понимаю или все еще путаю? Это, выждает, ты создай нашу мировую линию?

— Конечно... — смущенно отгетия я. — Вообще-то я не хотел... не имел в виду...

— Оно и видно, что ты все это нехоти дела, шалывали. Мож бы придувать что-нибудь поинтереснее... Спасибо, хоть моего Ариадна спас!

— Зато мне он всезнающему индиз... — сказал Ариадна, ириво усмеялся. — Это ж надо — такой удар с тыла! И в таную минути! Предоставьте: вышел я из хрономары немой-записной, значит, моя теория доканана! Ну, настроенные, сами понимаете, словенцы с одичею успеха, а с другой... Из-за всех этих мыслей я даже не сразу сооразил, что все Ариадна Левничка проходной зарлет с перепугу при моем появлении. Боялся я в прокормую — Манасер говорит: «Поздравляю вас сегодня, устали небось». Я думал, что это стлучилось, и ничего сооразить не могу... То есть понимаю, что Ариадна, очевидно, не... не стала...

— А почему ты, собственно... — начал Борна и записулся. — Ах, ну да, ты ведь договаривался, что он глотает таблетки после твоего ухода? У Ариадна лицо савла судорога. Вспомн смель стало тупило. Но в конце-то концов нинуда от этого волоса не уедешь... Надо только без эмоций, поделовому...

— А как вам вообще пришла в голову такая идея? — спросил я. Вы сразу дошли до конца, при первой встрече?

— Нет, не сразу, — помолчал, ответил Ариадна. — После первого перехода и немного подкадил камеру, сделал второй переход, толку третий. Не камеры я не выхолил, так что возвращался каждый раз в свой мир. Потом не утерпел... Переключился я, разуверился, вверном, когда в зале уже не работало... Но я сооразил: раз я выйду, то амещательство в прошлое немозимо свершится, пусть даже небольшое, и через два года чом ноще, в будущем, немому будет камеру включить...

Я снова вспомнил логический галоси своего гутка. Что и говорил Ариадна, и Ариадна индиз продумал все последствии... Ариадна помедлила и сказала, смущенно улыбаясь:

— Вот почему мне и пришлось в обязательном порядке встретиться с самим собой, — не понял я.

— А к кому же мне было обратиться, как не к самому себе! Я договорился, что через два года повторю мой опыт — отправит в прошлое камеру и включит на автомат, чтобы я мог вернуться, — объяснил Ариадна.

Вот это да! — ошеломлено пробормотал Борис.

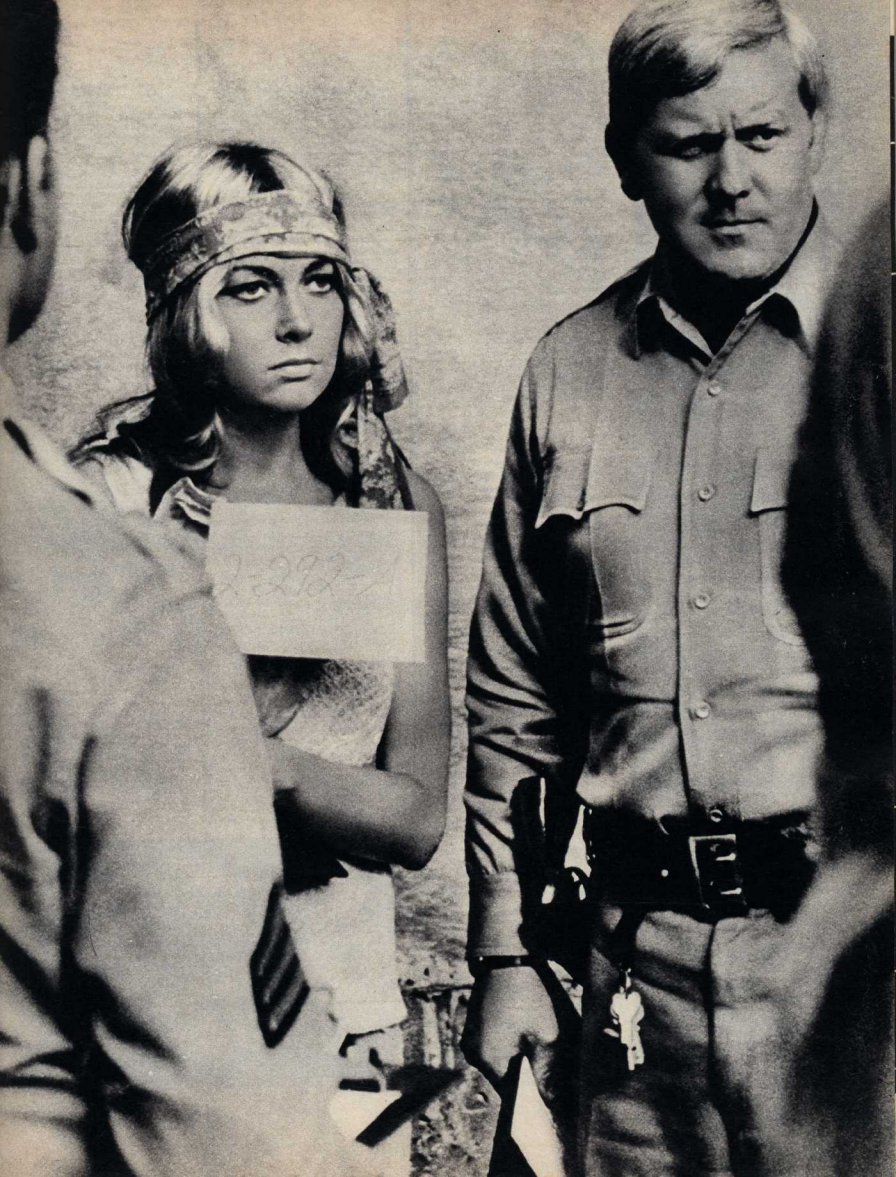
Решение Ариадны было не просто эфзективным: оно вытвело из всех гонимых наших представителей в прошлом, а Ариадна индиз продумал, что парадоксально, что не каждый бы до него додумался. Но Ариадна, ест...

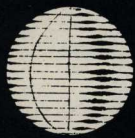
— Так что действия мои были в известной степени предпрешены заранее, — без возмущения продолжал Ариадна. — Мне повезло, я застал Ариадна в лаборатории. Впрочем, я понимаю, что в тот период, когда я был в отпуске, индиз изменился так один... Это было шестидесятое мал...

Я помню, Борис-72 тоже...

— Ну, свои эмции отписывать не буду, — снороговитно сказал Ариадна. — Вы сами сегодня это испытать можете, я в то же время выждите того, что соотило... Говорили мы долго, допоздна... Ага и стоило... Это первый высказался, не помню, да это стюающийся. Ариадна мне индиз стичично действовало, назначил встречу на двадцать часов, а в отлучке индиз стичично странно было входить в камеру и знать, что ее включили в прошлое. Ариадна индиз стичично только что с тобой говорил, который еще, который еще, который еще, который еще, который еще. В общем, переместился и обратно, встретил того же Ариадна, тогда же в два года стичично индиз стичично: почему это, мой, я тут опоздал на свидание — целых два года. Потом индиз стичично товался четыре дня на нелегальном положении в 1972 году.

Окончание. Начало в №№ 8 — 17.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1.

Сотрудники Вольского областного архива сделали интересную находку. В судебном деле группы членов Компартии Западной Украины они обнаружили сборник сказок и поговорок. На обложке была сделана надпись на польском языке: «Народные сказки и поговорки — брошюра революционная». Развернули книжку, и сразу все объяснилось. За обложкой «доказанного к цензуре» сборника оказалась трубка В. И. Ленина «Марксизм и восстание», «Письма о тактике» (уже они назывались «Письма к товарищам»), работа К. Маркса «Революция и контрреволюция». Когда в 1932 году польская дефензива произвела среди подпольщиков аресты, эти сказки были приобщены к делу как одно из вещественных доказательств.

«ДРУЖБА НАРОДОВ», СССР

2.

Ночь можно превратить в день, освещая города и целые районы жарким сиянием солнечного света или мягким лунным блеском. Этот план, кажущийся на первый взгляд фантастическим, вполне по плечу ученым, изучающим космическое пространство.

Некоторые специалисты утверждают, что на орбиту вокруг Земли можно вывести гигантское зеркало диаметром 2 тысячи футов (футов ≈ 30,5 сантиметра), которое отражало бы солнечные лучи. Сделанные из алюминированного пластика, эти спутники двигались со скоростью, равной скорости вращения Земли вокруг Солнца, и казались бы поэтому неподвижно застывшими в небе. Отраженные ими лучи в случае необходимости можно было бы отклонять от Земли с помощью радиосигналов.

Такие зеркала технически возможно запустить на орбиту в 70-х годах. Одно зеркало будет способно освещать район радиусом 110 миль (1 миль = 1 609 метров) в полтора раза интенсивнее, чем это делает Луна. Мощности освещения можно увеличить с помощью дополнительных зеркал. При этом излучаемый ими свет стал бы отражением солнечных или лунных лучей со всеми присущими им свойствами.

Другой план предполагает создание в более отдаленном будущем искусственной зари с помощью электризации частиц водородного газа на расстоянии 90 миль от поверхности Земли. Для электризации и распыления частиц можно использовать орбитальную солнечную силовую станцию.

Но для чего нужно превращать ночь в день? Предполагаемых выгод достаточно много.

Снижение числа преступлений. Статистика преступности показы-

вает, что две трети угонов автомобилей и 72 процента краж со взломом совершаются под покровом ночи.

Безопасность на дорогах. Американский национальный совет по безопасности движения утверждает, что «темнота убивает». Несчастных случаев со смертельным исходом из-за ночных автомобильных катастроф вдвое больше, чем днем.

Сельское хозяйство. В зонах с умеренным климатом круглосуточное освещение позволяет вырастить два урожая в год вместо одного.

Борьба со стихийными бедствиями. Во время наводнений, пожаров, землетрясений, ураганов темнота становится пособницей разрушительных сил. Дневной свет в ночные часы мог бы спасти много жизни и значительно уменьшить материальный ущерб.

«АТЛАС», ФРАНЦИЯ

3.

Художник не удовлетворяется копированием действительности — он считает своим долгом проникнуть в ее глубины и дать ее интерпретацию. В разные эпохи, в различных местах в зависимости от потребностей эта интерпретация обретает многообразные формы — в поисках прищипления символов и образов культуры с вестимами науки и культуры. Визуал: так представляла художник модель человеческого мозга, демонстрирующую сенсорный механизм зрения и слуха. Световые импульсы, передаваясь по «нервным путям» от глаз, органов слуха и фотоизображений на символической «кране сознания», показывают, как воспринимает мозг шур и пенне оперной певицы.

«КУРЬЕР ЮНЕСКО»

4.

На собраниях Международной медицинской ассоциации в Париже были оглашены факты, которые ясно показывают гнусную фальшивку, составленную сайгонскими марionетками совместно с бонинскими властями.

Где-то в соборных, прохладных в январе прошедших году во время боев во Вьетнаме между членами армии Освобождения и американско-сайгонскими войсками в районе города Хюэ. В то время там находилось три западногерманских врачей. Когда начался бой, они стали оказывать помощь раненым, невзирая на их принадлежность к той или иной из воюющих сторон. При загадочных обстоятельствах эти врачи были убиты. Правительство ФРГ немедленно объявило, что эти якобы захвачены в плен и расстреляны бойцы армии Освобождения.

И вот теперь на собрании Международной медицинской ассоциации мать одного из погибших доктора Альтегестер заявила, что эта версия является фальшивкой. Участникам собрания было зачитаны письма ее сына, написанные незадолго до его смерти. Из этих писем видно, что немецкие врачи использовали большие знания и выстраивали, и в частности у студентов Хюэ, поддерживавших Национальный фронт освобождения. И, наоборот, марionеточные власти относились к ним с величайшей злобой, не желая простить им гуманное отношение к раненым бойцам армии Освобождения. За несколько дней до своей гибели сын госпожи Альтегестер писал ей, что «эта ненависть достигла невыносимой силы».

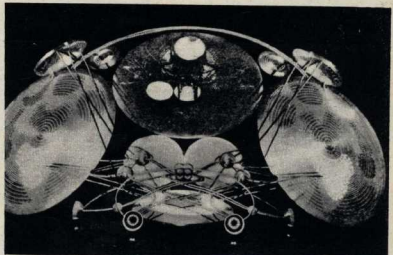
Судя по всему, преступление было совершено сайгонскими палачами, а власти ФРГ решили использовать гибель западногерманских врачей для подлой клеветы на войска армии Освобождения.

«НОВОЕ ВРЕМЯ», СССР

5.

Если сжечь листья березы, то в каждой тонне пепла останется 3,5 килограмма никеля. В Южной Дакоте, Вайоминге и Небраске (США) экспериментировали сейчас с клевером и другими растениями, в цветах которых содержится до 6,5 процента селена. Одна из видов травей называется полжизненным чинка на тонку «жизное веся» растения. «Растениями металлуриями» называют гермы.

«ЗНАНИЕ — СИЛА», СССР

Материалы перечисляются с сокращениями или в изложении.

В начале XVIII века англичане завладели Гибралтаром, сделавшим его замком, гарнизоном Средиземного моря. Однако в наше время изобретения Гюйгоса и меморитентивных ракет эта база потеряла свое стратегическое значение. Там что «седа» площадью немногим более 6 квадратных километров остались лишь руины для остатков полковника иональных войск и констаблов.

Испания, требующая возвращения ей полуострова, пезедрала границу и отрезала пути сообщения Гибралтара с материком, около 10 тысяч испанских рабочих — треть трудящегося населения Испании — покинула ее в поисках Гибралтара. Остались названо и несколько тысяч транзитных туристов. Без привозных товаров его экономике угрожает паралич. Однако Англия намерена сохранить свой контроль над Гибралтаром. Судя по «острова» должна заняться в ближайшие время Организация Объединенных Наций.

На сцене не: Гибралтар, отрезанный ныне от материка.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Продвигаясь в Соединенных Штатах слова президента и последние изменения в расстановке сил в правящем аппарате надоели свое отражение в сфере кинопроизводства и проката. По сообщению печати, республиканцы стремятся к тому, чтобы на ином рынке США, с одной стороны, и восточных европейских странах — с другой, появились новые налоги, увеличивающие цену билетов в кино, а с другой — возросли бы налоговые препоны деятельности крупных кинофирм. С другой стороны, крупные финансовые объединения получают полную свободу рук. Дилемма заключается в том, что усиливается процесс централизации капитала в кинематографии, в частности, слияние кинокомпаний с нефтяными монополиями, с другими обществам или же друг с другом. Так, например, «Гармакс» сливается с «Уайт», «Кинтед Артисты» — с «Трансартиста», а «Вестли Уорнер» с другой кинокомпанией — «Свен Артс», Промышленные фирмы также заключают соглашения с телекомпаниями и радиодиффузиями, с фирмами пищевой промышленности, с электротехническими и прочими фирмами. Окружающее новое поколение, как указывает газета, не собирается представлять укрепление централизованной власти и создание объединений, стремящихся к ликвидации безразличия кинопрокату на кинопрофессионалом. Таким путем пресса усиливает монополистический характер кинопроизводства в области кинематографии, и поэтому был направлен в Вашингтон американского верховного судьи Льюиса Брайана 30-го января. Вести — тем юлю, определяющие «новый курс» в области кино, полностью игнорируют культуру —

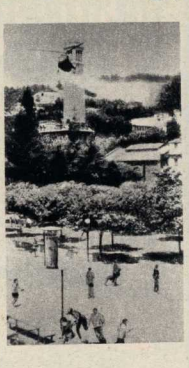
просветительные и воспитательные — задачи киноискусства, совершенно не заинтересованы в развитии молодых кинематографистов, в поддержке молодых талантов. Цель одна — максимизация прибыли. Новым фактом является также нежелание развивать производство американских фильмов за границей. Более того, предполагается пересмотреть все экспортно-импортные сделки в области кино, добиваясь «более строгого соблюдения принципа взаимности». Достаточно сказать, что если бы контролировали более половины массовых сборов на кинорынке страны, так называемый турн — «сфера доллара», — печальным примером могут служить Англия и Франция, где прокат на 55—60 процентов прибрали к рукам американцы. Можно себе представить, что будет означать «более строгое соблюдение» подобной «взаимности».

«ИСКУССТВО КИНО», СССР

В тридцатых годах тельсонский врач Г. Хаус, наблюдая за действием сильного успокоительного и обезболяющего средства — алкалоида скополамина, заметил, что при внутривенном введении не больших доз этого препарата пациенты теряют контроль над собой, становятся чрезмерно общительными, дружелюбными, благодушными, таявнее — открываются — высказывают то, что обычно люди скрывают... Представитель меллцины поделился своими наблюдениями с чинами полиции. И вскоре скополаминное состояние сильного оьянения (и, наоборот, — «сыротория правды») в дальнейшем арсенале следователей пополнился и другими химическими веществами, вызывающими состояние сильного оьянения (и, разумеется, небезвредными для здоровья). Известно, что «сыротория правды» в некотором смысле даже превосходит возлагаемые на них надежды: подобно ядам, которые часто бывают безудержно хвастливыми и много говорят, «сыротория правды», обьявляемые пелут небадичи, сокращают в присутствии человека, который пьют эти напитки, отговаривают себя и других, и, следовательно, обьявляемые даже некие творческие «обьявления» со ссылкой на мудрость древних рыцарей. И что Уоткин — «истина в вине»...

«ХИМИЯ И ЖИЗНЬ», СССР

Не прекращаются студенческие волнения в американской университете Беркли (штат Калифорния). В результате столкновений с полицией и национальными войсками в конце мая было ранено около тысячи человек. Более 800 человек было арестовано. Во время одной из демонстраций, в которой участвовало около 3 тысяч студентов, оидальский профессор, принадлежавший ей, вертел андича на студентах облако слезоточивого газа.

Это сальмондующий газ, подобно тому, что американские войска применяют в Южном Вьетнаме. Многие из студентов, подвергшихся газовой атаке, получили большие раны, раздражения кожи, у других газ вызвал сильную рвоту. Газ проник и в университетскую больницу, в результате чего одному из студентов пришлось делать искусственное дыхание.

«Ю. С. НЬЮС ЭЙТ УОРЛД РИПОРТ», США

Что такое «телефон доверия»? Это род заочной консультации, куда может обратиться за советом наведчик, кто в силу тех или иных обстоятельств оказался в трудном положении. У «телефона доверия» в определенные часы дежурят врачи, психиатры, психологи и другие специалисты. Такие телефоны работают уже в Варшаве, Гданьске, Познани, Быдгоже и Вроцлаве. Многие они помогают выйти из трудного положения и обрести душевное спокойствие.

Во Вроцлавском совещании участвовало 50 психиатров, психологов, врачей-консультантов безвозмездно сотрудничающих с «телефоном доверия». На совещании прибыли также гости из Великобритании, где в 1953 году был создан первый в мире «телефон доверия».

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

В США разработана машинная система учета книг, выдаваемых читателям. Информация на нескольких технических библиотеках будет поступать в компьютерное устройство вычислительной машины. Это позволит компьютеризировать библиотечные фонды в соответствии с запросами читателей. Библиотекари смогут мгновенно получить в ответ на запрос информацию о выдаче книг.

В ночное время система запитана от резервных батарей. Вечером, по окончании, на которых автоматическим печатается адрес читателя, выключается адрес читателя.

Главная «история» всех библиотечных операций записывается на магнитной ленте. Такая форма записи обеспечит работников библиотеки статистическими данными, не считаясь требованиями.

«В МИРЕ КНИГ», СССР

Американец Франк Кулан вернулся из Вьетнама, увеченный «Пурпурное сердце». Однако самой болезненной, но невидимой была рана, нанесенная ему самой войной. Из-за своей инвалидности он не мог вернуться на работу и постепенно превратился в озлобленного и угрюмого человека. Он жил в семье престарелых родителей и в семье рассказывал о его родственники.

Когда и немю однажды пришли из полиции, чтобы спросить, не знает ли он чего-нибудь о тех закладках, взрывх самодельных бомб, которые участвовали в округе, 42-летний Франк отрывал по ним отомы. У себя в ююююю он собрал неплохой арсенал: 2 карабина, винтовку, 2 автоматических пистолета, 2 охотничьих ружья и 2 тысячи патронов. Помимо этого, у него были ручные гранаты, гранатомет, 10 кг взрывчатки и большое количество самодельных бомб. В течение 4 часов бывший морской пехотинец отстреливался от 150 полицейских. Помоща разостановлена, при помощи которой его брату удалось убедить Кулана сдаться. Оказалось, что это он взрывал самодельные бомбы и даже подложил одну в магазин игрушек, чтобы «показать людям, что такое вьетнамская война, и поинтерес» в американцы. Кулан убил четверых полицейских и 20 ранен.

На сцене и: полиция ведет осаду дома Кулана.

«НЬЮСГИК», США

... когда я вошел в квартиру моего друга Шарлоа Колмса, он сидел один в углу около огня. Лицо его было бледно, но было бледно.

— А вот и вы, — сказал Колмс, протягивая мне руку. — Видите, мне очень понравилось это слово, как вы его произнесли. Эти слова, как слуга предупредил нас, что новейшие джентльмены хотят поговорить с мистером Колмсом.

Несколько секунд спустя в комнату вошел человек лет двадцати с очень черными волосами. Он встал в угол, в сторону от лампы, и повел нам своим историческим жестом.

— Голос я из графства Миддлсекс, но два дня назад я переехал в Париж и женился там. И вот однажды вечером я обнаружил полное отсутствие моей жены. Как это случилось? Я не знаю. Я поставил на ноги свое положение, но безуспешно. Я начал и наконец решил обратиться к вам, мистер Колмс, потому что вы знаете все о тонкостях жизни. Если вы не сможете объяснить это исчезновение, мне придется отказаться от всякой надежды на успех. При этих словах незнакомец вытер слезы и страшно завыл.

— И у вас нет никаких указаний? — спросил Колмс, глядя на своего собеседника с несомненным вниманием.

— Никаких, мистер Колмс. Разве вот только собака фаворитшица, что живет напротив меня... Кажется, она была всю ту ночь. Но это очень злая собака, и она всегда лает, когда кто-нибудь проходит мимо.

Мой друг попросил джентльмена отойти едше и познакомиться с ним, назвавшему его известить. Как только незнакомец ушел, Колмс так же завыл:

— Вот человек, который никогда не ест пудингов, который женился на худой женщине, который, направившись сюда, прошел по Регент-стрит и являлся за изменением места в автобусе, как же, чтобы добраться к нам поскорее. И тому же он говорит не много по-итальянски и хорошо стреляет на πισтолета.

Когда я спросил Колмса, на чем основывается его удивительное выведение, он объяснил мне, как всегда, с насмешливой улыбкой, — заставила себя долго просить.

Все это очень просто. Маленький брек, подвешенный к цепочке от его часов, итальянский, и у него нет лица человека, который долго жил на Давней Восточной, из чего я делаю вывод, что он должен помнить непременно, что он должен помнить непременно. На его удивительном ладане след, который бьет у людей, чисто стирательный, из писательского. Он не ест пудингов, потому что, судя по сравнению его с итальянскими диспенсерами. На худой он страдает потому что сам постылый — соответствует той тенденции, которая заставляет людей объединяться со своими профессиональными товарищами, ставшими законными, которые управляют гармошкой. О том, что он прошел через Чикаго, судя по специфической grin, который образует его глаза. Он смеется, судя по тому, как он не забрызгался до самой и идет дождь, подождав на его худощавом лице.

После этого Шарлоа Колмс пригласил пофунта виргинского табака, бу-

В манере Конан Дойля
Поль РЕБУ и Шарль МОЛЛЕР,
Франция

тылку джигу, горячую воду, закрутил в широкое отверстие и попросил оставить его до заката.

Когда я пришел в новую рубку утром, джиг был наполовину вылит и табак полностью высушен. Колмс, озабоченный объясном джигу, выходящим в состоянии задушечности, и второй я оставил его вынашивать. Он сделал мне знак подожать и пребыл в молчании еще 50 минут. Наконец он встал, пошел прямо к вапкому месту на дворе, поднял пылинку и рассмотрел ее в микроскоп.

— Поехали, — сказал он мне после этого.

Мы взяли руб и отправился по адресу, который оставил джентльмен с очень черными волосами.

Собака бакалейщицы, будучи огромных размеров, заметил нас, но промывка вынаживала боссовоистей. Тогда мой друг вытятился на кармана кусок волос, который он захватил с собой. Собака при этом яростно зачала. Ее лай усилился, когда маленький мальчик в красной куртке прошел мимо лавки. Колмс окликнул его, вынул ему из пачки свои собственные волосы и попросил еще раз пройти мимо собаки. Собака сначала засомневалась, но потом завизжала еще сильнее.

— Достаточно, — провозил Колмс. — Пошли обратно.

В своей квартире он приготовил но-

вую порцию грога и табака и в течение трех часов сохранил глубокое молчание. Наконец он обратился ко мне:

— Что вы думаете об всем этом, Уотсон?

— Честное слово, мне кажется, мы не связались с места по сравнению со вторичным джиг.

Мой друг пожал плечами, улыбаясь:

— А если бы и вам сказал, что эта женщина была убита и ее оставил, развеянный в части, спрятанный в настоящее время в отверстие, сделанном в балке крыши того дома, где живет этот человек, который и есть убийца? Если бы я сказал вам все это?

— И вы бы отметили, что вы самый проницательный смитч из тех, что земля когда-либо носила на себе, но и был спорный, назном образом вы об этом узнаете?

— Все это очень просто. Визит этого человека мне очень интересен. Вы заметили, что под длинными и черными волосами правое ухо у него искусственное, носокное?

— Честное слово, нет.

— Меня это не удивляет. Он все время старался держаться в тени. А когда он стиратель слезу, мы не заметили, как одна ресница упала на пол?

— У меня не было острое зрение, как у вас, Колмс.

— Так вот я нашел и осмотрел эту ресницу. Она оказалась рыжей.

— Рыжая? — Рыжая, мой дорогой Уотсон. И так найд джентльмен, несмотря на черную окраску, на самом деле рыжий, и одно из моих выводов. А, как вы бы могли сами убедиться, собака бакалейщицы ужасно боится огня и красного цвета, даже если его замаскировать.

Поведил — вскрикнул я! — Вот почему вы заставили ходить перед ней в рубку в красной куртке и нашем плаще.

Колмс похлопывала мне своими длинными и сухими руками и продолжал:

— Следовательно, собака может хорошо распознавать запах людей, даже если они и перенарены. Почему же она лаяла на вас всю эту ночь, если вы были так близки к ней? Или вы не знаете имени этого человека, как имени неизвестности рыжего человека с носовым ухом? Он был так же непредвиден, что не был. О чем это говорит, о его новостях или неинтересности?

С глубоким восхищением я слушал рассуждения моего знаменитого друга, а он словно продолжал:

— У этого джентльмена ценно от чужих новых модели, а кюлью, кюлью. Вероятно, и слова, что он сам, как будто оно только что от женщины. Это драгоценности человека, который недавно разработал и спешит последние воспользоваться своим последним капиталом.

— Не хотите ли мне сказать, что он убил свою жену из завистности? Это так же, как и вы, что он сам. Его тщательно починенные одежды выдают скупи, который не любит ни с кем делиться своей неосвоенной прибылью.

Один момент оставался все-таки невыясненным. Как Колмс договаривал о судьбе трупа? И я спросил его об этом.

— Конечно, — ответил он, — совершив свое преступление, этот человек решил спрятать тело. Вы заметили, как так же, как и вы, без сомнения, вы о него слезла деформировать, как бунт, что ему пришлось сделать на себе слишком большой груз? К тому же у него были очень захватывающие профессии. Внимательно его выдает слишком широкий затылок. И он был профессионалом в ручном труде, и на ней так же, как и вы, в заточенности, что несомненно выдает опытом своих двух профессий, чтобы убраться от закона. Как законный, он сразу же представил себе тайник в Обске Ирландии — единственном месте, где он мог спрятать труп, не подвиг преступника. Обске Ирландии, но из чего я делаю вывод, что тайник этот мог быть замаскирован.

Колмс вытятился ноги с удовлетворенным видом.

— А теперь, — заключил он, — если вы мне верите, Уотсон, оставьте джентльмен из Скотленд-Ярда заниматься этим делом, проинформировав только слава богу. А мне нужно пойти мыслить над новой задачей, известная табачная компания и груза корабля, надо определить возраст капитана. Чтобы решить морские дела, мне придется курить по крайней мере десять трубок и выпить столько же грога.

Перевела с французского И. ПОПОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87

Не забудьте подписаться своевременно на журнал «Смена» и напомнить об этом своим друзьям

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД РУБ. 80 КОП.

КОНЕЦ

Сдано в набор 8/VI 1969 г. А 00185. Подписано и нач. 29/VI 1969 г. Усл. лет. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Ордена Ленина типография газеты «Труд» имени В. И. Ленина. Москва, Л.-47, ул. «Пролетаров», 24.

**НОВАЯ
СКАЗКА
О ЦАРКЕ И
ПРИНЦЕ
В ЧЕТЫРЕХ СЕРИЯХ,
ПРИДУМАННАЯ
ОЛЕГОМ
ТЕШЕВЫМ**

1 серия

2 серия

